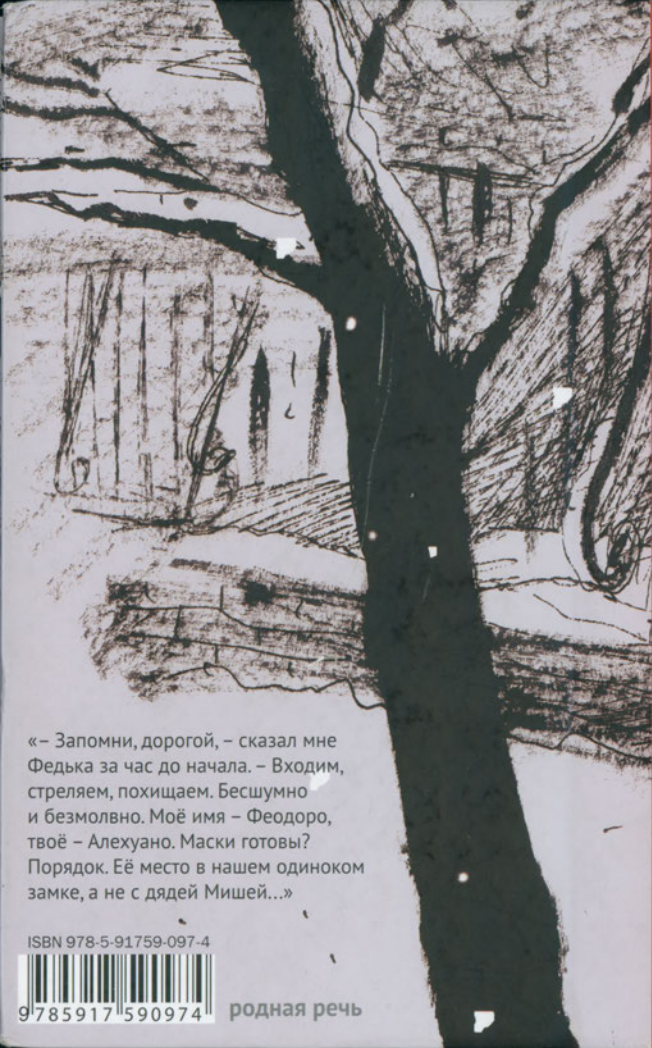

глупо как-то получилось

Сергей Вольф

«– Запомни, дорогой, – сказал мне
Федька за час до начала. – Входим,
стреляем, похищаем. Бесшумно
и безмолвно. Моё имя – Феодоро,
твое – Алехуано. Маски готовы?
Порядок. Её место в нашем одиноком
замке, а не с дядей Мишей...»

ISBN 978-5-91759-097-4

9 785917 590974

родная речь

Сергей Вольф

глупо как-то получилось

Самокат 2012

УДК

ББК

79(0)6

*Составление и оформление серии Илья Бернштейн
Иллюстрации Катя Толстая*

Серия «Родная речь»

Вольф, Сергей.

- В67 Глупо как-то получилось: [для мл. и сред. шк. возраста] /
Сергей Вольф: [ил. Е. Толстой]. – М.: Самокат, 2012. – 136 с. –
(Родная речь). – ISBN 978-5-91759-097-4

Рассказы Сергея Вольфа* (1935–2005) – весёлые и занимательные. И ещё поучительные. К тому же слова в них подобраны самые точные и расставлены по самым верным местам. Одним словом, пройти мимо такой книги – большая (может, и роковая) ошибка.

© С. Вольф, наследники. 2012

© Катя Толстая. Иллюстрации, 2012

© И. Бернштейн. Дизайн, редактирование, 2012

© ООО «Издательский дом “Самокат”», 2012

---

* http://ru.wikipedia.org/wiki/Вольф,_Сергей_Евгеньевич

содержание

5.....глупо как-то получилось

вот вам стакан воды.....	7
глупо как-то получилось	23
Господь Бог, чёрт или акробат.....	33
это будет сюрприз.....	41
отойди от моей лошади.....	51
озарена весёлым треском.....	57
случай в песках	61
Феодоро и Алехуано	65
чудесный голос	73
большая рыба отсюда и до школы	79
хочется петь вместе с ним.....	85
мы поедem на рыжем коне	93
Пафнутий	99
на самокате вдоль нашего дома	103

105.....рыба, большая, как лошадь

век его не забуду	107
оттуда, издалека.....	115
рыба, большая, как лошадь	123

Сергей Вольф

родная речь

глупо
как-то
получилось

ВОТ ВАМ СТАКАН ВОДЫ

Когда мне грустно, я стараюсь себя развеселить. Неплохая мысль, правда? Мне частенько бывает грустно или вообще не по себе, но вся беда в том, что я почти никогда не знаю, отчего мне грустно или не по себе. Поэтому я стараюсь развеселить себя изо всех сил, как попало. Иногда помогает, иногда нет, но я стараюсь вовсю.

Сегодня как раз прихожу из школы, а настроение у меня – не настроение, а чушь какая-то. Отчего – не знаю. Я даже есть не стал, надел свои лучшие трусики для плавания, взял ласты, маску и трубку и полез в ванную. Напустил полванны воды и улёгся туда. Лежу, шевелю тихонечко ластами, дышу через трубку, рассматриваю в маску дно ванны – и вроде легче становится. Вроде бы легче. «Скоро лето, – думаю, – укачу на дачу и буду целыми днями плавать с маской и ластами и охотиться на крупную рыбу. И позабуду обо всём на свете. Кто это там, а? Окунь? А это? Щука! Подумать только! Ну и щучища! Сейчас мы её... Не-ет, уплыла. Однако здоровая. Ну ничего, мы ещё с вами встретимся. Будьте уверены. Моё ружьё не даёт промаха».

Мне стало холодно в ванне, но я решил не подливать горячей воды, нет, так не полагается. Я вылез из ванны, тихонечко прошлёпал в комнату, достал из шкафа и надел на себя рейтузы и шерстяной свитер. Так

все хорошие подводные охотники поступают, если у них нет специального костюма, – я читал.

Снова залез я в ванну. Красота! Совсем другое дело! Жарко даже! «Эй, там, на берегу! Перестаньте орать и распугивать крупную рыбу! Ага, вот она, щука! Та самая! Стоит около водорослей и меня не замечает. Сейчас мы её...»

Вдруг – звонок. Кто-то звонит к нам в квартиру. Надо же. Не могут не испортить охоту.

Соседка Виктория Михайловна стучит мне в ванную и говорит:

– Алёша! К тебе тут какая-то девочка пришла.

Девочка?! Ха-ха! Вот номер! Этого ещё не хватало!

Я отвечаю ей прямо через дыхательную трубку, не вынимая головы из воды:

– Пусть заходит в ванную. Я не моюсь. Я в костюме.

Она говорит:

– Что это такое у тебя с голосом?

Я говорю:

– Такой голос.

Она говорит:

– Хм. Странно.

А я стал смеяться под водой.

После дверь в ванную отворилась, и я услышал, как вошла эта девочка, постояла немного и потом села на табуретку. А я лежал в воде и не поднимал головы.

«Что это ещё за такая девчонка пришла? Чего ей надо?» – думал я. Одно удовольствие было лежать в воде в шерстяном свитере и рейтузах. Тепло, великолепно. Но охотиться уже было нельзя.

Я поднял голову и тут же сел и снял маску – девочка была совершенно незнакомая. Она смотрела на ме-

ня, от любопытства склонив голову набок, как будто я был редкое насекомое.

– Ты кто такая? – спросил я.

Она сказала:

– Я нашла твой... ваш... портфель.

– Что-о? – сказал я. – То есть? Как это понимать?

– А сам уже вспомнил, что, когда шёл из школы домой, мне было маленько не по себе, чего-то такого мне не хватало (это кроме паршивого настроения я чувствовал), но я так и не догадался тогда, чего именно мне не хватало. Вот фрукт, а?!

– Я нашла его в продуктовом магазине, – сказала она.

А я так и сидел в ванне.

– Точно, – сказал я и засмеялся. – Верно. Там я его и оставил. Я там сок томатный пил. Я сегодня десять копеек нашёл. Купил на переменке булочку, разломил пополам – а там десять копеек. Неплохо, а?

Она говорит:

– А я, когда мне было два года, сто рублей нашла. Мне мама рассказывала, сама-то я не помню, всё-таки десять лет назад это было. И мы поехали на дачу, нам как раз денег не доставало. А вам не холодно сидеть в воде?

– Нет, – сказал я. – Пустяки, – и тут же почувствовал, что у меня озноб прошёл по коже.

– Постой, постой, – говорю. – Ну, ты нашла портфель, открыла его, узнала, как меня зовут и фамилию... так? А где ты адрес взяла, а?

– Я пошла в вашу школу.

– Вот именно, – говорю. – Пошла в школу; так, мол, и так, да?... Ваш-то портфель потерял... Ты представляешь, что они теперь обо мне думать будут?!

– Нет, – сказала она. – Я догадалась, что так нельзя. Я попросила дать мне ваш адрес, чтобы мы к вам зашли и пригласили вас в нашу школу, – я ведь в другой школе учусь, – чтобы вы поделились с нами насчёт подводной охоты.

– Врёшь, – сказал я. – Всё враньё. Ты ведь не знала, что я занимаюсь глубоководной подводной охотой! Не знала ведь?!

– Верно, – говорит. – Я совсем этого не знала, а сказала именно так, сама не знаю почему. Честное слово.

Она не врала, это было видно. Я-то думал уже, что я её поймал, а выходит – нет. Мне даже малость скучновато стало.

– Да, – говорю. – Так бывает. Бывают иногда, так сказать, совпадения. А где мой портфель, ты его в прихожей оставила?

– Нет, он у меня дома.

– Это почему же?

– Видите ли, а если вы погибли или вас просто нет дома? Я приду к вам с портфелем, ваши смотрят: портфель есть, а вас нет – вдруг с вами что-нибудь случилось! Они бы в обморок упали.

– Да-а, – говорю. – Ну, ты голова! Я бы не сообразил. Иди подожди меня в прихожей, я сейчас буду готов.

«Ничего девчонка, – думал я, снимая мокрый подводный костюм, – довольно забавная. Надо с ней ещё поболтать, для настроения».

Я быстро переоделся, и мы вышли на улицу.

– Вот, весна, – сказала она. – Скоро лето.

– Вот именно, – говорю. – Умотаю куда-нибудь подалее, буду охотиться и ни о чём не думать.

– А в школу к нам не зайдёте? – спрашивает она.
– Не расскажете насчёт подводной охоты?

– Не знаю, – говорю. – Подумаю. И называй меня, пожалуйста, на «ты» – я не старик какой-нибудь...

Она засмеялась и сказала:

– Хорошо. Так и буду. А что ты ещё делаешь, кроме подводного нырянья?

– Да так, – говорю, – разное. То да сё. Читаю. В кружки хожу – авиа и фото. Уроки ещё делаю. Иногда долго приходится сидеть: троек у меня многовато. А у тебя? – говорю.

Она вдруг ужасно смутилась, покраснела и говорит тихо:

– Я отличница.

Я свистнул, остановился и долго глядел на неё, а она отвернулась и стояла вся красная. Не понимаю, что с ней произошло. По-моему, прекрасно быть отличником, я бы так с удовольствием, только у меня ничего не выходит.

– Пошли, – сказал я. – Чудо-юдо. Ты, наверное, в десять кружков ходишь и ещё староста, а?

– Нет, я не староста. Я никто. И в кружки я не хожу. Я не умею.

– Ни в один?

– Ни в один.

– Дурочка ты несчастная, – говорю. – Там иногда знаешь как интересно бывает!

Она говорит:

– Я знаю. Я догадываюсь. Но я не умею.

– Да что ж тут уметь! – говорю. – Например, фото. Все плёнку заряжают – и ты плёнку заряжаешь. Все ставят выдержку сотую долю секунды – и ты ставишь со-

тую долю секунды. Допустим, снимаем окно или цветок в горшке. Все вместе. Все – клац затвором. И ты тоже – клац! И всё! Понятно?

– Понятно, – говорит. – Но я не умею.

– Совсем ты тютя, – сказал я. – Чего ж тут уметь!

Она говорит:

– Я сама не знаю. Вроде бы всё понятно, а я не умею.

Плёнку-то, наверное, я смогу зарядить, а вот в кружок ходить я не умею.

Я подумал немного и говорю:

– Вроде бы я тебя понимаю. Точно. Ходишь-ходишь, ходишь-ходишь в этот кружок, и иногда такая тоска найдёт. Правильно я говорю?

– Не знаю, – сказала она. – Вот мы и пришли. Я тут живу.

Домой я бежал, размахивая портфелем, и пел песню на собственную мелодию. Мелодию я сам сочинил, внезапно. Немного похожую на «А за окном то дождь, то снег». А слова я не помню, что-то вроде:

Всё в голове у меня вверх ногами.

Привет!

Тра-ля-ля!

Ура! Ура! Ура!

Что-то в этом духе.

Я летел по улице, как метеор, и даже чуть не сшиб ларёк с пивом, а какой-то дядька сказал про меня, ткнув в меня пальцем:

– Эти ещё нам покажут.

Но у меня всё равно было прекрасное настроение, хотя он меня и ткнул.

Во-первых, потому, что нашёлся портфель: любому ведь понятно, что было бы со мной в школе и дома, если бы они узнали, что я портфель потерял.

А во-вторых, потому, что у этой девчонки мне здорово понравилось. У неё по всей комнате – на шкафу, на разных полочках, на печке, на окне – стояли фрегаты, корветы, яхты, ещё какие-то незнакомые парусные лодки – много-много всего. Вся комната была в парусах. А на стене висели часы, из которых выпрыгивала кукушка. Сколько раз я слышал и читал про такие часы, а никогда не видел.

Я спросил:

– А кто делал корабли?

Она говорит:

– Да так... Они просто так стоят.

– Ага, – сказал я. – Понятно. – И не стал приставать.

Потрясающие были корабли, я их рассматривал как обалделый. Одно окно в комнате было открыто, в комнату залетел ветер, и все паруса тихонько шевелились.

Я сказал:

– Здорово у тебя. Очень. Я бы в такой комнате жил и забот не знал! И как всё аккуратно сделано, с ума сойти можно.

Она говорит:

– Это папа делал.

А я сказал тогда:

– Годика через два-три здесь вообще места жить не будет – одни корабли.

Она засмеялась и говорит:

– Всё. Больше не будет. Он исчез.

– Кто исчез? – спросил я.

– Папа.

- Как исчез? Куда?
- Не знаю. Пропал. Исчез.
- А мама – что, тоже исчезла?
- Нет, мама не исчезла.

Паруса от ветра шевелились, я всё никак не мог прийти в себя и почти не слушал её.

Мне было так здорово, такое что-то непонятное со мной творилось, что всё во мне прыгало, и я чувствовал, что должен вот сейчас, немедленно что-то сделать. Вдруг я увидел в окно, что напротив, через улицу, стоят автоматы с газированной водой, две штуки, и тут же мне так захотелось пить, так захотелось, ну просто ужас... Я даже чуть не выпрыгнул в окно, тем более, что оно было совсем не намного выше, чем простой первый этаж, – на капельку. Само собой разумеется, я не выскочил, всё-таки неудобно, я схватил свой портфель и стал прощаться и выбежал на улицу. Смешно, но про воду я совершенно позабыл и помчался сразу домой, размахивая портфелем и напевая песню.

Когда я пришёл домой, был уже почти вечер. Мама увидела меня с портфелем и долго разглядывала, как будто ей уже звонили из школы, что меня выгнали. Потом она сказала:

- Что, дорогой, тебя заставили в школе сидеть за нарушение дисциплины? Или за плохую отметку?
- Ну что ты, – говорю.
- Но ты же с портфелем! Значит, не был дома, а?
- Чепуха. Я тут к одному пареньку заскакивал. Может быть, мы теперь вместе уроки делать будем.
- Вот это очень мило, – сказала мама. – Я давно тебе это советовала. Ум хорошо, а два – лучше.

– Это верно, – сказал я. – Два ума лучше. – И ушёл в другую комнату делать уроки.

Я разложил учебники и тетрадки и просидел так часа два, но делать ничего не мог, не получалось почему-то. Вообще я даже плохо на месте сидел, будто во мне работал беспокойный моторчик: чух-чух, чух-чух, чух-чух... Он работал всё тише и тише, а потом заглох и перестал мне мешать, но с уроками всё равно ничего не получалось, и вдруг я почувствовал, что настроение у меня поганое-поганое. «С чего бы это?» – думал я.

А как, между прочим, зовут эту девчонку? Нет, я не знал, я не спрашивал у неё.

А какой у неё номер школы?

А номер дома?

А квартиры?

Ничего я не знал!

Я представил себе, как она сидит дома одна, в кружки не ходит, в комнате у неё темно, окно открыто, а она сидит у окна и смотрит на улицу, и ветер шевелит паруса её кораблей. Я представил себе всё это и быстро встал, снова во мне заработал моторчик: чух-чух. Вдруг я всё сообразил, схватил папину старую кепку, его шарф и очки, надел плащ, шарф и очки спрятал под плащ, в руки взял тетрадку и выскочил на кухню.

– Куда, дорогой? – спросила мама.

– Не сходится там с тракторами, – сказал я. – Как ни бьюсь – не сходится. Может, вдвоём мы быстрее сообразим, Я к этому пареньку слетаю.

– Ну, лети, дорогой, – сказала мама. – Учись.

Я выскочил во двор, после – на улицу...

Уже стемнело совсем. «Всё ясно, – думал я, – её окна как раз напротив автоматов с газированной водой».

Когда я подошёл к этим автоматам, я не смотрел на окна, хотя узнать меня было довольно-таки трудно: очки, шарф, кепка, плащ – ничего этого на мне днём не было. Может быть, поэтому я всё-таки не выдержал и посмотрел и тут же вздрогнул, будто меня куснуло током, – так точно я всё отгадал.

Она сидела у окна и смотрела на улицу, а в комнате было темно, и паруса кораблей, наверное, шевелились, потому что на улице ветер дул страшный. И тоже почему-то было темно, только светились лампочки в самих автоматах.

Я отвернулся и стал искать стакан, чтобы попить, сначала на одном автомате, потом на другом, но стаканов не было. Ветром их, что ли, сдуло?!

Я стал крутить головой во все стороны и вдруг увидел, что она выпрыгивает из окна и бежит, не глядя по сторонам, через улицу, ко мне. А в руках у неё – стакан.

– Возьмите стакан, – сказала она, подбегая. – Вы пить хотите?

– Да, – сказал я басом. – Пить.

Наверное, я не брал стакан, потому что она сказала:

– Вы не стесняйтесь, пожалуйста, и пейте. Здесь вечером нет стаканов. Только утром и днём. А многие идут и хотят пить.

– Вот как, – сказал я басом и немного хрипло. От волнения, что ли. – З-занятно!

– Ну да, – сказала она. – Я, как увижу, что кто-то пить хочет, вылезаю со своим стаканом и пою человека, а потом опять в окно залезаю... Залезу и жду.

– Чего ждёшь? Чего ты ждёшь?! – заорал я, а сам схватил себя за уши и дёрнул изо всех сил, потому что почувствовал, что сейчас, вот сейчас я зареву.

– Это я, – говорю. – Не узнала, нет?

– Кто вы?

– Ну... я, Алёша... Портфель и всякое такое...

– Вас... не узнать... тебя совсем не узнать.

– Да, – говорю я. – Да. Не буду я пить, не хочу. Иди, надевай быстро пальто и пошли гулять.

– Сейчас, – сказала она, побежала через улицу, влезла в окно и тут же, в пальто уже, вылезла обратно.

– А мама где? – спросил я.

– На работе. Во вторую смену.

Мы пошли, наклоняясь вперёд, против ветра, и сразу же взялись за руки, чтобы не упасть от этого сумасшедшего ветра.

Она крикнула:

– А куда мы идём?!

– Гулять! – прокричал я. – Нечего тебе сидеть у окна. Просто будем гулять.

– Ладно! – крикнула она. – Всё равно в такой ветер редко кто пьёт воду! – И тут же у какой-то тётки ветер вывернул зонтик наизнанку, и мы стали оба хохотать, хотя это было нечестно, и хохотали до самого угла, а после свернули направо, и здесь ветер был потише, и я сказал:

– Бежим вон туда. Хочешь? Я там видел однажды здоровенную собаку, она несла в зубах авоську с продуктами, портфель и куклу, а на ней верхом ехала девочка. Хочешь, покажу тебе это место?

– Хочу, – сказала она.

– Ну, бежим, – сказал я.

И мы помчались, и я всё время думал, как легко и красиво я бегу, как настоящий бегун.

глупо как-то получилось

Я с той девчонкой и её братом ещё в сентябре познакомился, в пургу. Пурга была – трудно себе представить. Нелепое какое-то атмосферное явление. Вдруг пошёл снег, повалил среди бела дня, все на улице растерялись, замахали руками.

Действительно, жуткий был снег.

Все, правда, растерялись, только я один, наверное, обрадовался. Эгоизм, конечно, но что делать: люблю я зиму.

И вдруг... началось: дождь пошёл. Вот всегда так. Весь снег в дождь превратился, в жуткий дождину, а пурга не кончилась – куда там, дождяная такая получилась пурга. Дождь так и носился по улице, как ненормальный.

Я сразу весь вымок и в подворотню заскочил. Вот погодка, думаю, и всё из-за этой кисточки. Нам в классе велели такой рисунок сделать – наша школа через сто лет. Ну, как мы её себе представляем. Я понял, что тут без красок не обойтись, и пошёл за красками. Краски купил, а кисточек в магазине нет – пришлось на Невский ехать. Купил, конечно, а тут эта пурга и дождь.

Вот, думаю, погодка – убийственная. И вдруг вижу: заскакивают в подворотню ещё двое, мокрее всех, до ниточки промокли прямо. Ей лет десять, а ему лет восемь. Совсем птенцы, смех! Мне-то уж, слава богу, одиннадцать исполнилось, давно уже двенадцатый.

Она совсем промокла, насквозь, а он нет, хотя тоже здорово. На нём куртка спортивная была, непромокаемая. И вдруг он снял эту куртку и на неё надел. Она стала сердиться и не брать куртку, а он обозлился и заставил её надеть.

Мне их вдруг жалко стало, я даже хотел свой свитер снять, но не снял: всё равно ведь мокрый, а под ним майка и больше ничего. И тогда я взял и надел на него свою кепку, всё-таки теплее.

– Ты чего?! – закричал он. – Отстань!

– Ладно, ладно, – говорю. – Не ори. Голову простудишь.

Она вдруг сказала мне «спасибо» и ему велела сказать. Он сказал и покраснел. И я вдруг почувствовал, что и сам краснею глупо как-то, прямо даже не знаю отчего, и тогда я засунул руки в карманы и засвистел, надувая щёки.

– Не правда ли, очень сильный дождь? – сказала она.

– О да! – ответил я. – За последний месяц не помню другого такого. Хотя, если подумать, были и посильнее.

– А я видел однажды такую молнию, – сказал он, – что вот отсюда и дотуда. Провалиться мне, если я вру.

– Я тоже врать не стану, – говорю. – Но я однажды шаровую молнию видел. Вот феномен, я вам скажу. Круглая, как шар, светится и всё разит на своём пути. Это я в Крыму видел, зря врать не буду.

– Вы были в Крыму? – спросила она.

– Ещё бы, – говорю. – Два раза.

– И с маской в море плавали?

– Вот смех, – говорю. – Да целый день! С утра до вечера! Ласты, маска и трубка.

– И не задыхались? – спросил он.

– Ну чего тут задыхаться, – говорю. – Чего уж тут задыхаться! Маску на лицо, трубку в рот, дышишь только ртом, носом нельзя, а то маска запотеет – и плывёшь.

– Плывёшь, – сказал он. – Да-а-а...

– И рыб видели? – спросила она. – Неужели и рыб?

– Вот юмористы, – говорю. – Да их там пруд пруди, тысячи, если не больше.

Они смотрели на меня, разинув рты, и тогда я соврал: прямо нельзя было не соврать – так они на меня смотрели.

– А то ещё прихватишь ружьё, – сказал я, – и поохотишься немного... так, пока не надоест. Я однажды такую зеленуху шлёпнул, не поверите – с ладонь. Да что там с ладонь, больше, наверное, раза в два.

– Смотрите! – вдруг громко сказал кто-то. – Дождь кончился.

Мы поглядели на улицу – дождя не было, только капало чуть-чуть с крыш. И такое всё было дождливое, мокрое и серое, что я даже удивился: неужели я и вправду всего две недели назад был на Чёрном море?

– А знаете, – сказала она, – хотите, мы вам кошку покажем? В нашем дворе живёт, здесь недалеко.

– Смех, – сказал я. – А что в ней такого?

– Она цветастая. В ней двадцать разных цветов.

– Будто такие бывают? – сказал я.

– Здесь совсем рядом, – сказала она. – Сами увидите.

– Ладно, – говорю. – Пошли. Поглядим на этот феномен.

Они оба засмеялись, и мы пошли в их двор. Куда-то направо и налево и, кажется, снова направо – я не запомнил. Мы вошли во двор, и там было пусто. Совсем пусто.

– Ой, – вдруг сказала она мне. – Вы же без кепки шли.

– Отдай быстро кепку, – добавила она брату.

Он опять покраснел, а я сказал:

– Ничего. Чепуха какая. Бывало и похуже. Где же ваша кошка?

– Кыса-кыса-кыса-кыса, – позвала она.

Я завертел головой, но ничего не увидел в пустом дворе. Потом кто-то толкнул меня в ногу, я обернулся и тогда только увидел эту кошку. Это она меня головой боднула. Мы втроём присели и стали её гладить.

– Видите, видите? – говорили они оба. – Чёрный цвет – раз, белый – два, серый – три, рыжий – четыре, бурый – пять, чёрно-рыжий – шесть, голубой – семь... Целых семь цветов! Нравится?!

– Ничего, – сказал я. – Яркая.

– Понесли её к нам, – сказал он и посмотрел на сестру.

Она посмотрела на меня и спросила:

– Хотите зайти к нам? Зайдёмте? Мы вот в этой парадной живём. Совсем рядом. Я знаю одну игру.

– Ну, пошли, – сказал я. – Только ненадолго. Мне ещё эту школу через сто лет делать надо.

Они захлопали в ладоши и повели меня к себе по тёмной парадной.

– А вы кто друг другу? – спросил я.

– Брат и сестра, – сказала она.

Так я и думал.

– Я догадался, – сказал я. – Врать не буду. Если хотите, называйте меня на «ты», – добавил я.

Они оба засмеялись в темноте.

– А вас как зовут? – спросила она. – То есть тебя? Тебя как?

Я ответил и спросил, как их, и они тоже ответили.

Мы поднялись куда-то на самый верх, вошли в квартиру, а потом в комнату. Брат зажёл свет и поставил кошку на стол.

Я сказал, что им нужно переодеться, а то мокро и холодно, но они закричали: «Нет-нет, будем играть!» И я тогда спросил: «Во что?» И она сказала: «Может, в магазин?» А я сказал: «Ну вот ещё!» А брат вдруг закричал:

– Придумал! Придумал! В подводную охоту! А кошка будет нашей рыбой! Вот кем!

– Точно! – закричал я. – Идея! Ты ложись сюда, ты сюда, а я на диван.

Ужасно было смешно. Потрясающе.

Мы все разлеглись по разным местам и поплыли и стали охотиться. Я их учил, как ногами грести, как руками, как ружьё заряжать, как дышать при нырке... Мы все кыскали – «кыс-кыс-кыс», и к кому эта цветастая кошка ближе подходила, тот делал «фьюить», будто гарпун летит, и убивал её.

Потом вдруг наша рыбина залезла под кровать, и мы её долго звали – кыс-кыс-кыс! – а она не вылезала.

– Надо нырять, – сказал я шёпотом. – Она в глубоком гроте.

Мы спустились на пол и полезли под кровать, но её там не было. Потом мы её всё-таки увидели и погна-

лись за ней, и я громко закричал, догоняя её, и вдруг мы услышали:

– Что здесь происходит?

Мы вылезли из-под кровати, и я увидел высокого мужчину с газетой в руке. Дверь он не закрыл, он стоял посреди комнаты и глядел на нас. Потом, показывая на меня, спросил:

– Это кто?

Мы молчали. Он положил газету на стол, сел на диван и увидел, как из комнаты в коридор выходит цветастая кошка.

– Чья это кошка? – спросил он. – А, Варя?

– Чужая, папа, – сказала она.

– А он кто? – спросил он и снова показал на меня.

– Мальчик... ну... – и она замолчала.

– Я пойду, – сказал я. – Мне пора, знаете ли...

– погоди, – сказал он. – Ты как здесь очутился?

Я пожал плечами и стал глядеть в потолок.

Что я мог сказать ему? Вот если бы, например, я помог им картошку донести или спас кого-нибудь из них в Фонтанке, я бы так и сказал. А так... что я мог сказать?

– Я пойду, – сказал я. – Школу ещё рисовать надо.

– Но откуда ты взялся? – снова спросил он.

– До свиданья, – сказал я. – Всего хорошего.

– Что же вы молчите? – спросил он у них.

– Мы играли, – сказал брат.

– Я не об этом спрашиваю.

– Мы играли, – сказала она.

... Но это я услышал уже в коридоре. Я открыл дверь и очутился на лестнице. Кошка выскочила за мной и сразу же куда-то спряталась.

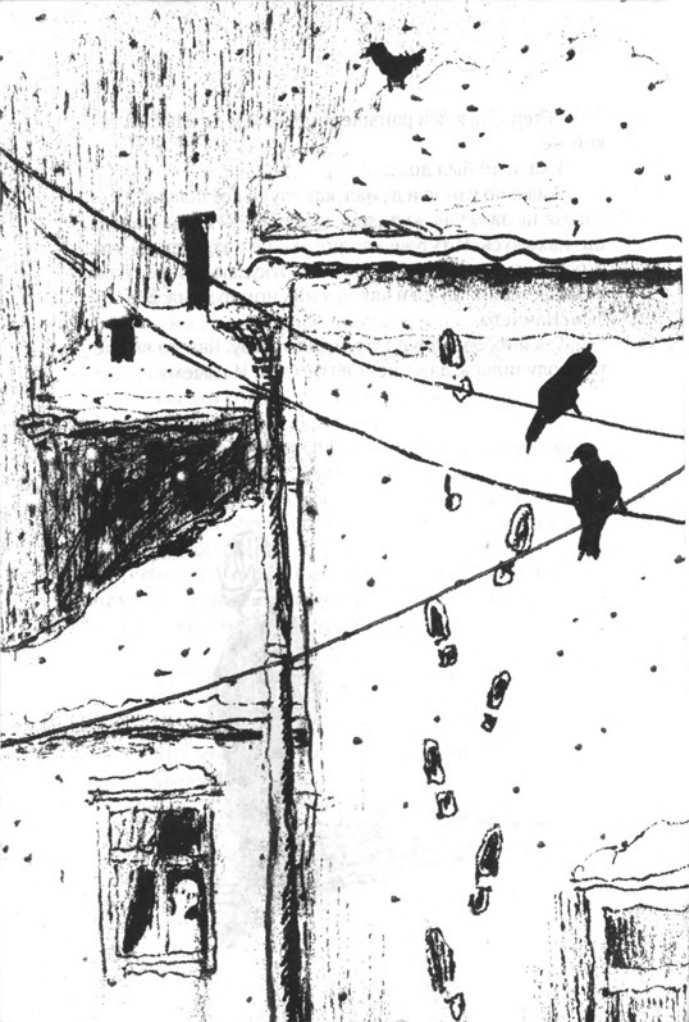
Ветер дул, как и раньше, сильный, и дождь был такой же.

Ужасный был дождь.

Я шёл по улице и думал, как глупо всё получилось, я даже не замечал, куда иду, и удивился, когда понял, где нахожусь. И тут же удивился ещё раз, потому что сообразил, что совсем не помню, откуда я пришёл, как называется их улица и какой у них номер дома. Всё забыл. Начисто.

Так я их больше и не видел ни разу. Как-то всё не так получилось, даже непонятно как. И почему.

Господь Бог, чёрт или акробат

Рано утром кто-то прошёл по стене нашего дома снизу вверх.

Ещё вчера было холодно, но потом потеплело, иней на стенах дома стал белым, и по нему чёрным по белому шла цепочка следов человеческих ног. Хорошо ещё, что это произошло во дворе, а не снаружи, – иначе смотреть на следы сбежалась бы вся улица.

– Чертовщина какая-то, – мрачно сказал управхоз Андрейцев, глядя вверх. – Никому ни слова, – сердито добавил он публике, – сами должны разобраться.

– Как ни говори, а что-то выше нас есть, – вздохнула бабушка в платке крест-накрест.

– Замолчите! – цыкнул побледневший Андрейцев. Все заволновались.

– Акробат, – сказала бабушка Павлова из двадцать седьмой квартиры. – Это акробаты. Это они умеют так ходить. По стенкам.

В этот момент восьмиклассник Сенька утащил меня в подворотню.

– Ты, конечно, ещё дурачок, – сказал он мне, – дурачок, потому что учишься всего-навсего в пятом классе, но кое-что я попытаюсь тебе объяснить. Эти следы оставил не бог и не чёрт, а человек.

– Не ври, – сказал я, хотя я отлично знал, что бога нет и что чёрта тоже нет.

Сенька не обратил на это никакого внимания.

– Напряги свой скудный умишко, – сказал он. – Дом и земля составляют прямой угол. Мы – люди – составляем с землёй тоже прямой угол. Если лечь на землю и упереться ногами в дом, то мы составим прямой угол с домом. Дальше, – продолжал он, – если долго так лежать, то силой человеческого разума можно убедить себя, что земля – это дом, а дом – это земля, а убедив себя в этом, легко преодолеть земное притяжение и пойти по стене дома снизу вверх. Понятно?

Но я не успел ответить, – человек десять народу, с управхозом Андрейцевым во главе, гуськом вошли в подворотню и направились к двери домовой конторы.

– Будет собрание! – крикнул Мишка Зайцев. – Начёт следов!

Я не очень-то этому поверил. Какое ещё там собрание, когда все люди на работе, но на всякий случай мы с ребятами тоже направились в домовую контору. Вся эта история нам очень нравилась: какой-то необыкновенный человек или существо прогуливалось ночью по стене нашего дома. Здорово ведь! Соседние мальчишки, наверное, лопнут от зависти.

Мы заглянули в домовую контору и увидели, что вокруг Андрейцева сидят: бабушка в платке крест-накрест, бабушка Павлова, которая говорила про акробата, длинный бухгалтер, юрист в очках, паспортистка, дворник и милиционер.

– Собрание считаю открытым, – сказал Андрейцев.

Все заволновались и стали готовиться к выступлениям.

Андрейцев вышел к нам и сказал:

– Ребята, кто из вас знает, кто из жильцов дома сейчас дома?

– Профессор из девятой квартиры и дедушка Кирюша! – сказал Мишка Зайцев, который всё знал.

– Сбегай, чтобы пришли на собрание, – сказал Андрейцев.

Мишка убежал, а мы стали слушать, что будет дальше.

– Наше дело такое, – сказал милиционер, – на одном месте не стоим. Может, я пошёл в один конец, а он в момент и шмыгнул...

– Простите, кто «он»? – спросил юрист.

– Он! – вскрикнула бабушка в платке крест-накрест.

– Он!!

– Ужас, – сказала паспортистка.

Длинный бухгалтер возмутился.

– Стыдно, – сказал он, – очень стыдно в наше время верить во всякое такое.

– Я с вами совершенно согласен насчёт времени, – сказал юрист, – но факты, факты! Следы-то есть.

– Ужас, – сказала паспортистка.

– Когда мы были в цирке... – начала бабушка Павлова, но в этот момент прибежал Мишка Зайцев и сообщил, что профессор уже идёт, а дедушка Кирюша тоже сейчас идёт, только дочинит куклу соседской девочке.

Все мы очень любили дедушку Кирюшу. Он был пенсионер, но дома не сидел, всё с нами что-нибудь делал. То хоккейную клюшку поможет починить, то объяснит трудную задачку, всякие штуки нам из дерева вырезал, корабли, яхты.

– Теперь вы, Пескова, – сказал Андрейцев дворничихе.

– В эту ночь дежурила я, – сказала она, – ничего такого не заметила. В час ночи, как положено, закрыла ворота. Всё.

– Он, – убеждённо сказала бабушка в платке крест-накрест. – Невидимый дух, без тела.

Пришёл профессор. Мишка Зайцев успел ему всё рассказать. Все замолчали и стали смотреть на профессора.

– Бога нет, – заявил профессор. – Это просто какая-то тайна природы. Ничего страшного. Люди не всё ещё успели разгадать. Проблемы снежного человека, доисторических ископаемых животных...

Выступление профессора нам понравилось, мы готовы были слушать его и дальше, но тут пришёл дедушка Кирюша, поздоровался со всеми и сказал, что это он, это он гулял ночью по стене нашего дома.

Что тут случилось!

Бабушка «крест-накрест» тихонько легла на пол. Милиционер дунул в свисток.

Паспортистка захохотала.

– Зачем? Зачем вы это сделали?! – закричал управхоз Андрейцев.

– Да уж так, – сказал дедушка Кирюша, – уж такой я человек, люблю разные шутки и загадки.

– Вы врётё, – сказал бухгалтер, – человек не может так.

– Нет, я не вру, – сказал дедушка Кирюша, – это я гулял по стене. А вы думаете, господь бог? Нет, это я гулял.

– Прошу извинить меня, – сказал профессор, – любопытно узнать: как, каким образом?

– Ножками, профессор, ножками, – сказал дедушка Кирюша. – А ножки я изготовил сам. Взял две лыжные палки и на каждую надел по туфле. Следы, если вы заметили, товарищ Андрейцев, идут рядом с лестничными окнами. А окна, позволю я вам заметить, не закрыты, хотя уже зима, товарищ Андрейцев. Я напомнил вам об этом, но вы сказали, что окна закрыты. Вы сказали неправду. Именно из окон высовывался я...

– Ах! – снова закричал управхоз Андрейцев. – Зачем же вы это сделали, а?!

– Как сонные мухи вы тут все, – сказал дедушка Кирюша. – Прямо даже не знал, как вас расшевелить. В нашем доме сплошной застой. Ребята вон вроде беспризорных...

– Это безобразие, – сказал юрист, – вы хотели смутить покой жильцов дома.

– Недостойный поступок, – сказал Андрейцев. – Чрезвычайно недостойный...

Но дедушка Кирюша вдруг исчез. Как? Куда? Никто не заметил.

– Где он? – спросил Андрейцев.

– Сгинул, – зашептала бабушка в платке крест-накрест. – И не видать его. Дух. Без тела. В нашем доме живёт.

– Пошли, – сказал Мишка Зайцев, – чего-то неинтересно.

Мы выскочили во двор.

Во дворе уже полно было ребят из соседних домов, все стояли задрав голову, а по стене шла чёрная цепочка следов человеческих ног.

это будет сюрприз

Завтра все посходят с ума.

Все будут очень беспокойны.

Я не уверен, но скорее всего, что так.

Все будут тыкать пальцами в телевизор и говорить: «Нет, вы только подумайте», или: «Бывает же такое», или: «Чей это необыкновенный мальчик?»

Не все ведь знают, чей. Всех охватит необыкновенное волнение. Я, честно говоря, это очень подозреваю. Будут показывать – меня.

Пять дней назад я приехал в деревню к бабушке и дедушке. С папой и с мамой.

Ну, сначала вещи разобрали, устроились и сели пить чай. Бабушка и дедушка всё время протягивали руки через стол и гладили меня по голове. А я сидел, чай не пил, не ел ничего, болтал ногами и всё думал, когда же начнётся новая жизнь. Вот ведь глупо, уже приехал, а вроде и не приехал, просто сижу дома и ничего из нового не делаю. А они долго чай пили, будто первый раз в жизни, смеялись чего-то и всё меня гладили. Совсем я извёлся.

Я как угорелый из дома выскочил, когда они своим чаем напились. А кругом трава растёт, деревья, небо синее, жарища, красота, прелесть и простор. Я взял и... как побегу по дороге, просто так, изо всех сил. Потом остановился и стал дышать: дых-дых, дых-дых.

И вдруг вижу: что-то в кустах желтеется. Ни на кого не похожее, что-то жёлтенькое. Желтоволосенькое и желтопузенькое. А ведь что это – и не отгадать. Я взял камушек и бросил туда.

Жёлтенькое завертелось, затилитилькало, забумкало, заыхкало и ка-ак выпрыгнет. А я ка-ак побегу. А жёлтенькое ка-ак припустит за мной, как заорёт:

– Алёшка!

А я бегу.

А оно:

– Алёшка!

А я быстрее.

А оно топочет и кричит:

– Алёшка! Не убегай!

Удивительно знакомый голос. Остановился я... дых-дых, дых-дых. Тыща чертей! Да ведь это же рыжий Тимка.

– Здорово, Алёшка! – закричал он.

– Привет, Тимка! – заорал я.

– Вот я рад, что ты приехал! – крикнул он.

– А я... не можешь себе представить! – кричу я.

– Ты куда бежишь так быстро? – спросил он.

– Да на речку купаться, – сказал я.

– Ну, бежим вместе, – сказал он.

И мы побежали. Бежим и беседуем.

– Я тебя ещё час назад в окно видел, – говорит Тимка.

– Я своих устраивал, – говорю я.

– Чего твои тебя так по голове гладили? – спрашивает он.

– У меня причёска кривая, – сказал я.

– А ты чего в меня камень бросил?

– Я думал, это пень. А ты чего там сидел?

– Я гусеницу дрессировал. Кусачую.

– А окунь клюёт или нет?

– Ещё бы.

– А ты весь рыжий.

– А ты сам... синий.

– Красота.

– Красотища!

И мы прямо свалились в речку.

Сначала мы плавали. Потом кувыркались в воде. Потом топились и спасались. Потом я прыгнул с нырялки солдатиком. Потом просто так. Потом бочком. Потом опять просто так. Потом рыбкой. Потом самолётиком. Реактивненьким. Потом Тимка научил меня нырять чемоданчиком. А я его – драндулетиком. Потом мы спели песню. А потом Тимка сказал:

– Помнишь, кто такой Пушок? Бежим к нему!

– Бис! Браво! – закричал я, потому что сразу всё вспомнил, и мы побежали.

Я бежал и думал про Пушка. Как же это я сразу про него не вспомнил, про этого телёночка, про маленького бычка? Мы с ним в прошлом году здорово подружились. Он за мной как ручной ходил. Целыми днями. Он, наверное, подрос теперь и меня не помнит.

– Вон, – сказал Тимка на бегу. – Видишь дом с красной крышей? Это новая удоелектричница. Там коров доют.

– Эх ты, Тима, – сказал я. – Надо говорить электроудойтельница.

– Пусть так, – сказал Тимка. – Когда мы до неё... до этой добежим, я тебе глаза закрою и поведу за эту... ну, как её... Пушок там пасётся.

Мы добежали до этой электроудойницы, Тимка велел мне закрыть глаза и повёл куда-то за руку.

Я пять раз чуть не упал и один раз упал, Тимка сердился и говорил, что я как слепой, а потом сказал:

– Ну, я побежал. А то он меня не любит. Интересно, узнаете вы друг друга? Открывай глаза на раз-два-три. – И убежал.

– Раз-два-три! – крикнул Тимка тихо-тихо, будто с другого конца земли.

Я открыл глаза и... удивился. Никаких коров здесь вообще не было. Стоял только один бык, огромный бычище, как паровоз.

Он смотрел на меня, а я на него, он на меня, а я опять на него, а потом он как посмотрит на меня странным образом и как побежит на меня, фырча.

У-ух как я дунул бежать по полю! А он за мной. Фырчит. Ногами землю роет.

– Караул! – закричал Тимка. – Он Алёшку хочет заесть!

А я бегу-бегу, бегу-бегу и... упал. Покатился. А бык – топ-топ-топ. Тимка «караул» кричит. А я закрыл глаза. Всё. Прощай, мама. Сейчас ка-ак...

И вдруг кто-то так нежно-нежно лизнул меня по лицу. Мокро-мокро. Шершаво-шершаво. Как губкой. Тепло-тепло. Открыл я один глаз и вижу – этот здоровый бык меня облизывает. Голова огромная, рога...

Открыл я потихонечку второй глаз и вижу – ну конечно, это же Пушок, та же мордочка с белым пятном, те же глазки...

– Пушок, – сказал я. – Пушечка! Пушиночка!

А он меня лижет. Узнал, игрун этакий.

Я встал с земли, а со всех сторон к нам люди бегут, с палками, с граблями, ещё с чем-то, рыжий Тимка плачет, все шумят.

Все до нас не добежали, остановились и не подходят.

– Мальчик, – сказал мне какой-то человек в очках.
– Стойте смирно. Сейчас мы вас спасём.

А Тимка плачет перед очкастым:

– Товарищ новый зоотехник, я не нарочно, они же знакомы.

– Молчать! – сказал очкастый. – Никому не двигаться!

– О-о-о! Будет тебе, Тимофей! – заголосила какая-то тёленька на Тимку.

И вдруг я увидел, что к нам идёт дедушка Парфёныч, колхозный сторож.

– Дедушка Парфёныч! – закричал я. – Здорово!

– Здорово, Лексей, – сказал он. – Приехал, значит, погостить?

– Приехал, значит, – говорю я.

– Как мамаша, папаша? Здоровы?

– Как нельзя лучше, – говорю.

– Ну, привет им.

– А вам от них.

– А им ещё раз и низкий поклон.

– А они вам тоже кланяются, – говорю.

– Между прочим, – сказал всем очкастый. – Вы заметили? Бык не трогает ребёнка.

– Да-да, – сказал кто-то. – Очень похоже, что это так.

– А чего вы собрались? – говорит Парфёныч. – Не успел мальчик приехать, а вы уже. Что он, съест вашего быка, что ли? Он, можно сказать, год травы не видел, этот мальчик.

– Товарищи, – сказал очкастый. – Пойдёмте все обратно. Картина ясна.

И все стали расходиться.

Пушок ещё раз лизнул меня, а я ещё раз похлопал его по мордочке с белым пятном. И мы побежали с Тимкой срезать мне удочку.

И тут-то всё и началось.

Когда я уже спать лёг, к нам пришёл очкастый зоотехник и сказал:

– Нам необходим ваш ребёнок. На полчаса.

– Что он уже успел натворить? – спросила мама.

– Ребёнок хороший, – сказал очкастый. – Ничем таким не отличается. Дело в другом. Племенной бык Пушок не принимает пищу. Нам его через три дня на сельхозвыставку в Москву везти, а он пищу не принимает, может исхудать до размеров обычной тёлки. А ваш ребёнок с ним друзья.

– Вот как, – сказала мама. – Первый раз слышу. – И велела мне идти и помочь очкастому.

Мы пришли в какой-то дом, там в чистой комнате стоял бедный Пушок и ничего не ел, просто отказывался принимать пищу. Ещё там стояли какие-то растерянные люди. Они ласково поглядели на меня и стали подталкивать к Пушку. А меня и не надо было подталкивать, я сам подошёл к нему и похлопал по мордочке с белым пятном. Пушок замычал и лизнул меня. Тогда я велел ему есть, и он стал есть. Потом он поел, всё съел, я дал ему конфетку, а все захлопали в ладоши.

А утром очкастый опять пришёл.

– Не ест? – спросила мама.

– Ни в какую, – сказал очкастый. – Что повезём? Что повезём в Москву?!

– Бедный человек, – сказала мама. – Ну что ж, возьмите ещё раз Алёшу.

Очкастый обрадовался как маленький и потащил меня к Пушки.

Мы его накормили, всё честь по чести, и я побежал купаться.

Я нырнул, вынырнул, снова нырнул, опять вынырнул и вижу – плывёт очкастый в своих очках и кричит на всю речку:

– Плыви сюда, мальчик. Он гулять отказывается. Бодается.

Я совсем обалдел. Что делать?

– Вам без меня крышка, – сказал я.

– Крышка нам, вот что, – согласился он.

Потом мы с Пушком гуляли.

Потом вечером я его кормил.

Потом утром кормил.

Потом снова гулял с ним.

А мне выписывали трудодни – так сказала бабушка.

Потом я снова его кормил.

И гулял.

И кормил.

А потом долго-долго с ним прощался, и его повезли на станцию, чтобы его потом в поезд посадить – и в Москву, на выставку.

И вдруг мы скоро видим – идут к нашему дому человек пятнадцать народу и очкастый, все потные и красные.

Бабушка, дедушка, папа, мама и я вышли к ним навстречу.

Очкастый сказал:

– Он не лезет в вагон. Отказывается. Хотел укусить начальника станции. Не хочет ехать в Москву. Моё дело – крышка.

Я сказал:

– Ну что ж, пойдёте, я всё устрою.

– Да? – сказал очкастый. – Хитро! А если он потом жрать не станет или вагон ломает? Что мы покажем в Москве? Обычную тёлку?

Дедушка почесал бороду и сказал:

– По всему видать, вам без мальчика крышка.

– Да-да! – радостно закричал очкастый. – Крышка нам! Точно! Отпустите вашего мальчика в Москву! Дня на три. Колхоз будет вечно помнить о вас.

И все закивали и стали говорить, что иначе всем крышка.

И вот я в Москве.

Дома живу. Один. Как большой. Целый день за Пушкиным ухаживаю.

Завтра поведу его по сельхозвыставке. Держу это пока от всех в тайне.

Это будет сюрприз.

Когда меня покажут по телевизору.

ОТОЙДИ ОТ МОЕЙ ЛОШАДИ

Был, знаете ли, один такой случай.

В нашем городе, в Ленинграде.

Можно даже сказать... в моём районе.

В школе, где я учусь.

На третьем этаже.

Даже в моём классе.

Между прочим, со мной.

Хотя, по правде говоря, я здесь ни при чём, не виноват. Это, я думаю, с самого начала ясно.

Всё произошло на уроке рисования.

Мы всегда на этом уроке тюленя рисовали или белого медведя. Срисовывали с картинки. Мне это здорово надоело. Честно. Я так об этом и сказал нашей новой учительнице.

Просто прелесть что за учительница. Сразу согласилась, что-нибудь другое нарисовать. Я даже не ожидал.

– Не тюленя! Не медведя! – закричали все.

– А что? – спросила она. – Что именно?

– А именно вот что! – крикнул я. – Про что мечтаем, то и рисуем.

И она опять согласилась. Я же вам говорю, что она совершенно исключительная учительница.

Сначала я нарисовал ракету и себя в ней. Но у неё куда-то хвост непонятно загнулся, и я решил вернуться на землю. В общем, слетал.

Потом я нарисовал себя с новейшей хоккейной клюшкой.

Потом килограмм винограду.

Потом ещё полкило.

Потом вспомнил про лето и нарисовал лошадь, себя и Тимку.

Потом я нарисовал, будто я говорю: «Отойди от моей лошади!»

– Зачем же? – спросил Тимка.

– Низачем, – сказал я. – Сам не можешь сообразить, что ли? Ты будешь рыцарь пеший, а я рыцарь конный. Конный, понимаешь?

И я нарисовал себя на лошади, а Тимку без лошади, и ещё я нарисовал себе и ему щит и меч.

Потом я забыл нарисовать ему шлем и закричал на весь класс:

– Эй, рыцарь, где ты потерял свой шлем?!

Все зашумели, а учительница сказала:

– Что?! Что случилось?!

– Ничего! – закричал я. – Пока ничего! Эй, Тимка! Подними забрало!

И я быстренько нарисовал ему шлем.

Потом Тимка стал капризничать, и мне пришлось нарисовать ему лошадь.

– Эй-го-го! – закричал я на весь класс Тимкиным голосом. – Алёшка! (Алёшка – это я.) Иду на тебя!

– Берегись, Тимочка! – крикнул я и нарисовал, как я размахиваю мечом и мчусь на Тимку.

– Не по правилам! – закричал Тимка.

– По правилам! – закричал я.

– Умри, несчастный! – кричит Тимка.

– Ещё не известно кто! – кричу я.

Наши кони бесстрашно и быстро мчатся навстречу друг другу.

– Бенц! – кричу я и рублю Тимку изо всех сил мечом по голове. – Бенц-те-ре-ренц!

– Ур-ра! – кричит Тимка. Его шлем крепок, как сталь. Как чугун.

– Бенц! Та-та!

– Умри, подлый рыцарь!

– Ещё не хватало!

– Эй-го-го!

Тимка падает! Ур-ра! Его конь ранен.

– Сдавайся! – кричу я. – Мелкий подлый враг! Задняя нога лягушки! Трусливый заяц! Двоечник! Клякса!

– Алёша Петров!

– Ржавая кошка!

– Алёша Петров!!

– Дырявый холодильник!

– Алёша Петров!!!

– Я тебе не Алёша! Я рыцарь, синяя ты мочалка!

– Алёша Петров?! Что здесь происходит?

– Что? – спросил я и поднял голову.

И увидел вот что: весь класс забрался на парты вокруг меня и смотрел, как я расправляюсь с этим наглым рыцаришкой.

А потом все стали айкать и ойкать и прыгать с парт вниз, и тогда я, наконец, увидел нашу учительницу, совсем красную, и других учителей, и завуча, и директора, и медсестру, и нянечку, и всех-всех...

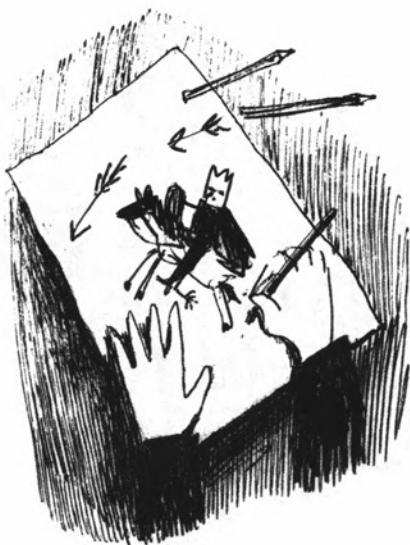
А про то, как я был в кабинете у директора, и про всякое такое мне неохота рассказывать.

Теперь все говорят, что я урок сорвал.

Говорят, что подвёл новую молодую учительницу.
Такая славная, просто не верится, что я мог это сделать.

Похоже, что это какая-то глупость и ошибка.
Совершенно уверен.

Вы, я думаю, тоже. А?

озарена весёлым треском

Не знаю, за что мне такое счастье – мне подарили фотоаппарат.

Значит, так... завтра я куплю себе неплохую плёночку и – раз! чик-чик! – сфотографирую памятник Александру Сергеевичу Пушкину в саду имени Пушкина.

Плёнку – проявлю, негативчики – отпечатаю, разложу снимки на столе и буду смотреть. Диво дивное! Сам ведь всё сделал, сам!

Я буду смотреть и смотреть и вдруг увижу, что сам я сижу в саду имени Пушкина на скамеечке, прямо против памятника великому поэту. Против памятника Александру Сергеевичу Пушкину.

Я буду смотреть и смотреть на Александра Сергеевича, а он вдруг... сойдёт вниз, прямо на землю, погуляет немножечко по саду имени Пушкина, потом (я даже разволновался) подойдёт к моей скамейке и скажет:

– Прошу извинить меня, я не помешаю?

– Ах, что вы! – воскликну я. – Да, разумеется, пожалуйста! Сколько угодно!

Я посмотрю сбоку на его добрые, грустные глаза, не удержусь и произнесу, волнуясь:

– А я ведь знаю вас, знаю, Александр Сергеевич! Вы – великий поэт Александр Сергеевич Пушкин! Точно?

– Ах, помилуйте, – воскликнет он. – Откуда ты... вы меня знаете?!

– Я откуда?!.. Да что вы меня на «вы» называете! Откуда я вас знаю?! Вот странный вопрос! Да вас – все знают, все!

– Ах, да, верно, – скажет он, сообразив. – Я позабыл совсем. Я о своём думал,

– Вот уж я рад нашей встрече! – скажу я.

– А «Мороз и солнце, день чудесный», знаешь? – вдруг спросит он.

– Ну само собой! А как же! – скажу я. – «Ещё ты дремлешь, друг прелестный», правильно?

– Как приятно!.. А дальше?

И я стану читать ему дальше: «Пора, красавица, проснись...» Я буду читать, смущаясь и краснея, но с выражением, как и надо, а потом вдруг покраснею ещё больше, оттого что вспомню: несколько строчек в конце я вовсе не знаю и раньше не знал, не выучил, и мне поставили за это в школе три с минусом.

– А дальше... я не знаю, – скажу я печально.

– Как же так? Ну как же так? – расстроится Александр Сергеевич. – «Вся комната янтарным блеском...»

– «Озарена весёлым треском»? Да? – чуточку вспомню я.

– Мальчик! Милый! Как же это возможно – озарить весёлым треском? А? Озарить треском! Чудеса, право! Там же точка после «озарена». Надо читать: «Вся комната янтарным блеском озарена». Потом – пауза. А потом: «Весёлым треском трещит...» И дальше про печку. Ну что же это получается, а?

Он вздохнёт тяжело, поднимется со скамейки, пойдёт, пойдёт по саду имени Пушкина... И снова я увижу, что он – памятник.

– Александр Сергеевич! – закричу я. – Ну куда же вы?! Да я не буду больше! Честно! Не буду! Я хотел пригласить вас в парк культуры. Там аттракционы, шутки, смех! Я хотел вас с Федькой познакомить, моим другом, он поэт! Да я же хотел...

Я буду звать его долго – и всё зря: он не шелохнётся.

И я увижу вдруг, что вовсе я не в саду, а дома, за столом, перед фотографиями.

Не буду я завтра покупать фотоплёнку. Ну её совсем!

Пропади она пропадом!

Пойду-ка и выучу сперва всё это замечательное стихотворение.

случай в песках

Мне вчера учитель Сергей Васильевич по арифметике двойку поставил. Жирную такую страхиdlу.

Мы задачку про поросят решали, и у меня пять поросят плюс семь поросят получилось тринадцать поросят вместо двенадцати.

Дома был скандал, и мама сказала, что она этого не ожидала. Этой двойки. Что она ожидала наверняка пятёрку или на худой конец четвёрку.

Папа сказал:

– Марш! Стоять в углу!

Я сегодня весь день по школе ходил как уторелый, всё ходил, думал, какой он, Сергей Васильевич, отвратительный человек, всё ходил и искал его, чтобы прямо так ему и сказать...

Я даже в скачки не играл.

Я даже быстро бегал по коридорам, чтобы все классы обежать и найти Сергея Васильевича.

Я быстро бежал, как ветер, и вдруг остановился, потому что увидел в окне лошадь.

Я сразу подумал, что вот стоит внизу телега и лошадь и что телегу можно куда-нибудь запрятать, а на лошадь сесть и поехать в далёкие пустынные пески Кызыл-Шербет-Абу-Керим-Кебаб. Там, в этих жёлтых песках, нет ни капли воды, там самумы и тайфуны, и только ты, сильный человек, на своей сильной лошади

можешь мчаться как ветер, а вообще-то там жуткая температура воздуха и птицы падают от жары в песок.

Там, в этих мёртвых песках Шурум-Бурум-Такыр, я один буду мчаться на своём коне, мой конь будет хрипеть и скакать, мой могучий конь будет мчать меня, как «Волга», и ни один леопард – а их там полно – не уйдёт от его острых зубов, а потом я увижу, как из-за барханов выйдет Сергей Васильевич, и всё... и... И вдруг я увидел в окно Сергея Васильевича – вон он вышел из-за угла и идёт прямо к школе, ничего не думая и не подозревая, что на его пути стоит мой конь, моя защита и опора со страшными зубами.

«Всё, – подумал я. – Конец. Привет».

Вот он поравнялся с конём...

А я закрыл глаза...

А потом открыл...

... Сергей Васильевич стоял возле лошади и гладил её по морде.

И лошадь заржала и замотала головой.

А Сергей Васильевич вдруг открыл портфель и достал... сахар. Большой белый кусок.

И лошадь вытянула морду и мягко так, губами взяла этот сахар прямо с Сергея Васильевича ладони.

И потом лизнула его в ладонь и заржала.

А он ласково так погладил её по морде.

И я тогда сорвался вдруг с места и помчался вниз по лестнице – вниз, вниз – и столкнулся возле раздевалки с Сергеем Васильевичем.

– Сергей Васильевич! – закричал я.

– Так, – сказал он. – Всё понятно. Двоек больше не будет?

– Нет, – сказал я. – Да. То есть...

– Пять поросят плюс семь поросят равно двенадцать поросят, – сказал он.

– Точно, – засмеялся я. – Двенадцать их.

– Позволь угостить тебя сахаром, – сказал он.

– Я не лошадь, – сказал я.

– Я в этом уверен, – сказал он.

И тогда я сказал:

– Давайте. – И ещё: – Ой, звонок! – И ещё: – До свидания!

И он мне ответил:

– До встречи.

Феодоро и Алехуано

В общем, было решено – Ленку мы похитим.

Петька и Вовка сказали, что всё это сплошная ерунда, но мы с Федькой были тверды. Сперва я немного поколебался, но Федька меня вполне убедил.

День назначили – 30 декабря, под самый Новый год.

– Запомни, дорогой, – сказал мне Федька за час до начала. – Входим, стреляем, похищаем. Бесшумно и безмолвно. Моё имя – Феодоро, твоё – Алехуано. Маски готовы? Порядок. Её место в нашем одиноком замке, а не с дядей Мишей...

– Эх, Федька, – сказал я. – Эх ты, Федька!

– Феодоро, – поправил меня Федька. – Фе-о-до-ро. Запомни.

– «Феодоро», – передразнил я его. – «Дядя Миша»... Эх ты.

– Ты прав, Алехуано, – не моргнув сказал Федька. – Её отец, этот старик... инженер... лорд, вернее. Что он ей? Итак, ты готов, Алехуано? Готов ли ты совершить покушение на похищение?

– О да, Феодоро, – сказал я. – Готов как пить дать.

– Вперёд! – сказал он. – Идём бесшумно и безмолвно. Запомни это золотое правило.

Мы вышли из моей квартиры и стали медленно спускаться по лестнице на Ленкин этаж. Ночь была холодной и лунной. Валил снег.

– Звони, – шёпотом велел Федька, когда мы спустились, и поправил свою чёрную маску. Я поправил свою и позвонил. Мы безмолвствовали.

– Кто там? – спросил голос Ленкиной бабушки.

– Новогодняя телеграмма, бабушка, – ласково сказал Федька чужим голосом, и мы достали револьверы. Не скрою, меня всего трясло от волнения.

Дверь открылась.

– Руки вверх! – грозно сказал я.

– Руки по швам! – рявкнул Феодоро. – Не кричать, не плакать, не молить о пощаде.

Мы прошли в кухню.

– Куда же руки девать, господи? – сказала бабушка.

– Алёшенька, лохматый-то ты какой!

И она пригладила мой хохолок.

– Жалобы не помогут, – жёстко сказал я, вертя головой. – Кстати, меня зовут Алехуано. Запомните это славное имя!

– Отведи старую женщину в ванную, – велел мне Феодоро.

– Старая женщина, – сказал я. – Прошу вас, идите в ванную. Сидите там тихо как мышка. Ни стонов, ни криков!

Бабушка пошла в ванную.

– Где ваша Элен, ваше единственное сокровище? – строго и холодно спросил Феодоро.

Бабушка молчала.

Мы посовещались в прихожей и открыли дверь в комнату.

Дядя Ми... старый лорд читал газету и пил чай.

– Где вы прячете свою дочь? Милорд?! – крикнул Феодоро.

Отец бедной девушки повернулся к нам, и лицо его исказилось от испуга.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он дрогнувшим голосом.

– О, ровным счётом ничего, – сказал Федька. – Ровным счётом! Напомни ему, Алехуано, как бесполезно сопротивление.

– Феодоро прав, сопротивление бесполезно, – сказал я, удивляясь, что лорд снова пьёт чай. – Где твоя дочь? – крикнул я.

– Моё бедное дитя в той комнате, – сказал он испуганным голосом. Его всего трясло. – Будьте к ней снисходительны...

– Но-но-но! – прикрикнул на него Феодоро. – Алехуано, сходи узнай, не сбежала ли старая женщина. Да поторопись!

Я вышел из комнаты и постучал в ванную.

– Что делает старая женщина? – спросил я.

– Да вот стираю помаленьку, – ответила она из-за двери. – Не желают ли рыцари чаю с домашней ватрушкой?

– В самый раз, – сказал я. – Да побольше.

– Сейчас принесут ватрушку, – сказал я, возвращаясь.

– А-атлично! – проревел Федька. – А пока за мной, Алехуано.

Мы вошли в следующую комнату, но там было пусто. И под кроватью. И на шкафу.

– Каков лгун? – прокричал Феодоро и бросился обратно. – Где дочь? – зарычал он. – Говорите, милорд! И не слова лжи! Учтите это!

Мне стало жаль бедного старика.

– Надо перекусить. Самое время, не так ли, о Феодоро? – сказал я.

Феодоро кивнул. Убитый горем отец взял газету и ушёл в другую комнату. Старая женщина принесла чай и ватрушку. Мы стали есть ватрушку. Феодоро был мрачен и зол.

– Где они её прячут? – говорил он, кусая ватрушку.
– Хотел бы я это знать.

...И вдруг – дверь открылась и в комнату с улыбкой вошла та, которую мы искали.

– Хватай её! – заорал Феодоро и первым рванулся к ней.

– Уйди, Федька! – завизжала она. – Ой! Пустите! Па-па!

– Ты узнала меня! – вскричал Феодоро. – Ни слова больше!

– Ма-а-ма! Чего они! Ой!

– Ну и маскарад! Молодцы! – сказала тётя Таня, входя с ёлкой в комнату. – Сейчас украсим ёлку.

– Шутки в сторону! – закричал я. – Моё имя Але-хуано!

– Ай да Алехуня, – сказала она, – настоящий актёр! Федя, отпусти Лену, будем ёлку украшать.

– Да ну вас, – сказал Федька и снял свою маску.

– Нет, не надо, не надо, не снимай! – забеспокоилась тётя Таня. – Так лучше. Так веселее. Чудесно, что вы зашли!

– «Чудесно», – сказал я. – «Чудесно». Надоело! – и снял свою маску.

– Наденьте! Наденьте! – визжала Ленка. – Маскарад! Ура!

– Да ну вас, – сказал Федька.

А тётя Таня уже командовала.

– Миша! – кричала она. – Где подставка для ёлки? Ленка, тащи игрушки! Ребята, откройте дверь, там звонок!

Мы подошли к двери и спросили:

– Кто там?

– Новогодняя телеграмма.

Мы открыли дверь и ка-ак захохочем: там стояли Петюня и Вовка, оба в чёрных масках и с пистолетами в руках.

– Ни с места! – сказали они. – Идите вперёд! Руки по швам!

Когда мы все вошли в комнату, началось такое веселье, просто ужас.

Дядя Миша надел бумажный колпак и чем-то посыпал тётю Таню.

Ленка уже притащила игрушки и была в Федькиной маске.

Тётя Таня надела маску «свинья».

В общем, смех!

Больше всех хохотали мы с Федькой.

Петюня и Вовка только рот раскрыли.

Мы с Федькой дали им по стеклянному шарiku и сказали:

– Ну, Петюньтио и Вовенцио, за дело!

– Чего ещё! – сказал Вовка. – Чего вы? Ну, чего?..

– Давай, давай, – сказали мы. – Вперёд!

Ёлка получилась то, что надо!

чудесный голос

Вот сижу я один дома и думаю, чего бы такое спеть? Может, песню, а может, и какую-нибудь арию? Или куплеты? Просто обожаю я петь. Голос у меня – бас. Могучий голос. Всего девять лет мне, а уже такой голосище. Просто поразительно. Я сколько раз в ванной пел. Здорово выходит. Только никто об этом не знает, я никому не говорил, – скромность. Хотя голос у меня красивый, как весенний гром.

Сегодня я решил в комнате попеть. На просторе. Я даже стулья все на кухню вынес и стол к окну отодвинул, чтобы был полный простор.

Потом я слегка прокашлялся, съел сырое яйцо (я их терпеть не могу, но так надо, я читал), запил водичкой и изо всех сил начал:

Плыви мой чёлн
По воле волн.

Ах, приятно как петь! Сам поёшь и сам себя слушаешь. Получаешь огромное удовольствие.

Плы-в-в-и-и м-о-о-й ч-ё-ё-лн
По-о в-о-о-л-е-е в-о-о-о-лн...

Ну и бас у меня! Кто не мечтает о таком голосе?

Плы-ы-ы-ы-ви-и-и-и...

Вдруг – тук-тук-тук в дверь. Кто ещё там? Попеть не дадут.

А она уже входит. Ленка из нашей квартиры. Она на целый класс меня меньше учится.

– Ну, чего тебе, Ленища? – спросил я.

– Это кто пел? – говорит она.

«Хватит быть таким скромным», – подумал я и сказал, так, будто между прочим:

– Я пел. Я. Кто же ещё мог? А что?

– Удивительно красиво, – говорит, – как в опере.

– Ну и что же? – говорю я. – Я и сам знаю. Можно мне спросить, зачем ты мне это говоришь?

– Научи меня, – сказала она. – Ну, пожалуйста! За что хочешь.

– Смех тебя учить, – говорю. – Да и откуда у тебя такой бас?

– Я без баса буду, – говорит. – Как-нибудь по-другому. Я тебе за это мороженое-стаканчик куплю.

– Тебя научишь, – говорю, – а ты потом обманешь, возьмёшь и не купишь.

– Честное слово, – говорит Ленка. – Пречестное-пере-честное. Я даже сначала тебе куплю, чтобы ты не сомневался.

Удивительно, до чего я произвёл на неё впечатление – побежала и купила.

– Только ты сначала не ешь, – говорит. – Так будет нечестно. Я раньше купила, а ты раньше научи.

Пришлось учить.

Я ей показал, как стоять надо. Как руки держать. Что делать глазами. Как открывать рот. Как закрывать.

В общем, пока учил, смотрю – мороженое растаяло. Я обозлился.

– Ишь, – говорю, – какая. Я тебе все навыки дал, а ты такая, да?

– Ты его выпей, – говорит Ленка.

Я как заору на неё, на такую:

– Кошке оно годится! Вот кому! Уходи отсюда сейчас же!

Одно утешение – такую дурёху всё равно петь не научишь. Даже мне это не под силу.

И вот однажды был у нас в школе концерт. И вдруг я вижу – выходит на сцену наша Ленища и начинает петь.

Ей здорово хлопали.

Мне даже дурно стало, и я сказал громко, на весь зал:

– Произошло недоразумение. Это я её так петь научил.

Все захохотали, а Ленка вдруг говорит:

– Совершенно верно. Своим успехом я обязана ему. – И сделала реверанс, то есть такое приседание.

И снова все захлопали и засмеялись. А потом ей преподнесли цветы и мне тоже. Потом мы с Ленкой вместе стояли на сцене, держались за руки и кланялись. И нам все хлопали.

Я не стал сердиться на Ленку, и домой мы пошли вместе.

– Ты молодец, – сказал я, – что не призналась, что у меня у самого чудесный бас. Скромность – прежде всего. – И я купил нам по мороженому-стаканчику,

Ленка ела, жмурилась и говорила:

– Я знаю свою судьбу. Я буду оперной певицей. Довольно-таки хорошей оперной певицей.

– Да-да, – говорил я. – Конечно. Это у тебя может выйти. Не надо только забывать, что это я тебя научил. Нужна скромность. Смотри, помни обо мне.

А она говорила:

– Да-да. Конечно.

А я говорил:

– Гляди, какой сегодня чудный солнечный день.

А она говорила:

– Не помню такого второго чудного солнечного дня. Не знаю, как тебя благодарить.

И мы купили ещё по стаканчику. Даже по два стаканчика.

большая рыба

отсюда и до школы

– Вот такая мысль носится у меня в голове, – сказал мне Федька. – И не даёт мне покоя. Я обязан поймать большую рыбу, длиной отсюда и до школы.

Мы шли вдоль школы домой, школа была рядом, метров пять всего.

– Кому это ты обязан? – спросил я. – Кто же это велел тебе выудить такую большую рыбу?

– Никто не велел, – сказал Федька. – Я перед собой обязан. Это мой долг. Я должен поймать большую рыбу и накормить ею всю мою семью. Я хочу сделать им приятное.

– Почему бы не купить её в магазине? – спросил я.

– Я думал, ты умнее, – сказал Федька. – Поймать своими руками! Чувствуешь? Я хочу сделать им приятное – папе, маме, маминому папе, папиной маме, дяде Косте из Баку, Димке, Наташе и годовалому Жоррику.

– Лови, – сказал я. – Только где её ловить? Зима.

– Как где? – заволновался Федька. – Из-под льда ловить. Пробить лунку и ловить большую рыбу, чтобы сделать им приятное.

– Лови, – согласился я. – Лови, дело твоё. Только не позабудь пробить большую лунку.

С тех пор началось: как звонок с урока – Федька летит домой, а когда я выходил из школы, он уже шёл мне навстречу с чемоданчиком в руке – там, наверное, лежали снасти. Река от нашего дома была не близко. Он, я думаю, ездил туда на трамвае, и, когда я вечером выходил погулять во двор, а он возвращался, лицо у него было озабоченное, на меня он не смотрел и, по моему, думал, как его пустят с такой большой рыбой в трамвай, когда она попадётся.

Наконец я не выдержал.

– Как она поживает, твоя большая рыба? – спросил я.

– Зря ты так, – сказал Федька. – Она вскорости будет, я уже заметил одну – большая что надо, своими глазами видел. Не жить ей в реке. Я уж так решил, сделаю им приятное – папе, маме...

Когда он похвастался, что видел её своими глазами, что-то дрогнуло во мне, и я заговорил.

– Послушай, – сказал я ласково, – нельзя ли так сделать, чтобы мы её вместе выловили? Выловим вместе, а домой возьмёшь её ты, раз уж ты всё это придумал.

– Ладно, – неожиданно согласился Федька. – Я бы мог и один её осилить, но если так, тогда ладно.

– Твоим, наверное, приятно будет, когда ты с ней домой явишься!

– Ещё бы, – сказал Федька, – они ох как обрадуются.

На следующий день мы сразу после уроков отправились на реку, к лунке. До темноты простояли мы возле лунки. Мы надевали на крючок и чёрный, и белый

хлеб, и колбасу, и котлетку, но большая рыба так и не появилась.

С того дня я и забыл обо всём на свете, кроме этой рыбы.

Я даже видел её во сне два раза.

Так прошло дней десять.

Нам попадались маленькие рыбки, иногда даже не очень маленькие, но всех их Федька выбрасывал, говоря, что они никуда не годятся.

А большая рыба так и не появилась. Ни разу.

Тут и четверть кончилась в школе. Всем нам выдали табели с отметками.

И какой же страшный скандал был у меня и у Федьки дома! В наших табелях полно было троек. Ничего удивительного в этом не было – ведь из-за этой большой рыбы времени на уроки почти не оставалось. Дома мы говорили, что ходим друг к другу заниматься.

– Большая рыба, – сказал я Федьке, – зачем она нужна! Чего маленьких-то брать не хотел? Думаешь, твои бы не стали есть? Теперь троек полно. Тоже – сделали приятное.

– Эх ты, – сказал Федька. – Тысяча маленьких совсем не то, что одна большая... Эх ты...

Я не стал с ним спорить. Но ловить его рыбу тоже ходить не стал. Он, по-моему, тоже не ходил. Оба мы взялись за ум, учились как следует и последнюю четверть закончили очень хорошо.

Лето пришло. Вскоре за нами приехала машина, чтобы отвезти нас на дачу. Я и папа с мамой забрались на стулья, столы и вёдра, которые были привязаны к кузову, шофёр завёл машину, я помахал рукой всем ребятам, и тут из ворот вышел Федька.

– Привет, Федька! – закричал я. – Всего тебе наилучшего. Куда направляешься?

– На речку, – сказал Федька, – за большой рыбой. Очень хочется сделать им приятное.

Машина тронулась и быстро помчала нас, и пока можно было, я всё время смотрел, как Федька машет и машет мне рукой от ворот нашего дома.

ХОЧЕТСЯ ПЕТЬ ВМЕСТЕ С НИМ

Автобусы – это вещь.

Папа говорит: «Возникают мысли о далёких странах и необозримых горизонтах».

Я, когда еду, иногда... тоже... о горизонтах.

Наша школа от меня – две остановки. Мы с Федькой всегда пешком ходим. Сначала бежим до угла – кто быстрее, а потом уже спокойно, а тот, кто проигрывает, кто последним прибежит, тот несёт портфель другого до самой школы. Если вы видите утром толстого человека с двумя портфелями – это Федька.

А когда мы опаздываем – едем на автобусе, две остановки. Автобусы у нас, как и везде, без кондуктора. Сам себе билет отрываешь, а водитель сам остановки объявляет, без всякого кондуктора. У него в кабине возле головы такая штука висит – микрофон, и он в него говорит, а усилители усиливают. Получается громко и здорово.

Однажды мы с Федькой побежали до угла, кто быстрее, и я прибежал первым, потому что он вообще слон и ещё он упал. Я его долго ждал на углу, потом он подошёл, и я сказал:

– Вот тебе портфель, мой дорогой.

А он сказал:

– Фигос под нос.

А я говорю:

– Не совсем ясно, почему.

А он говорит:

– Было нечестно.

А я говорю:

– Тоже не совсем ясно.

А он говорит:

– Было скользко.

А я говорю:

– Ну и что же? Мне тоже было скользко.

А он говорит:

– А мне было скользее, я...

А я говорю:

– На.

А он говорит:

– Н-на! – и как бацнет меня по голове портфелем.

Потом мы оба упали в снег, а потом нас кто-то за воротники поднял из снега и сказал:

– Нарушение порядка – раз. Все дети давно в школе – два.

Мы тогда с Федькой немного повернулись, немного стукнулись носами и увидели милиционера.

Тогда Федька запыхтел, как слон, и ка-ак дёрнется от милиционера. Сам выдернулся и меня выдернул, потому что мы нечаянно сцепились крючками, которые на пальто, у воротника. И побежали скорей на автобус, чтобы в школу не опоздать, и Федька первый раз в жизни прибежал со мной наравне, потому что мы так крючками и не расцепились.

Потом мы расцепились, подошёл автобус, мы в него залезли и видим – сидит дядька в очках и в шляпе, и ещё кто-то поёт.

Федька говорит:

– Плакать хочется, какая песня. Душещипнутельная.

В шляпе сказал:

– Это этот чёрт поёт, водитель. Поёт уже пятую остановку. Остановки не объявляет. Я не знаю, где мне сходить.

Я говорю:

– Как поёт! Как поёт! И как ясно слышно!

Шляпа говорит:

– У него там, у чёрта, микрофон. А вон видите, ящики – это динамики. Я инженер, мне это понятно. Но он в микрофон объявлять остановки не хочет. Он петь хочет. От самого кольца поёт.

– Ох и песня! – сказал Федька. – Хочется петь вместе с ним.

– Федька! – заорал я. – Сходить! И так одну остановку проехали. В школу ведь.

– А мне-то как быть? – сказала шляпа.

Но мы уже выскочили.

С тех пор я стал в школу только на автобусе ездить, на этом самом. Даже если Федьки не было, – всё равно ехал. Я даже остановку в другую сторону шёл, чтобы подольше послушать, как наш водитель поёт. Он всегда в одно и то же время ездил. Тем, кто не знал, не нравилось, он ведь остановку часто объявлять забывал. Многие ругались и говорили, что надо бы написать жалобу. Несколько раз так говорили, представляете?

Тогда мы с Федькой однажды пораньше приехали на кольцо и разыскали его.

– Здорово! – сказал я ему. – Это – я, а это – Федька.

Он вытер тряпкой руки и поздоровался с нами за руку.

– Чем могу быть?.. – сказал он.

– Они на тебя жалобу хотят написать, – сказал я.
– За то, что ты поёшь, а остановки не объявляешь.

– Уже, – сказал он. – Уже пришли три жалобы.

– Ты пой куда-нибудь в сторону, – сказал я, – куда-нибудь влево. Чтобы не в микрофон.

– Мне вперёд смотреть надо, – сказал он.

– Ну, тогда ты пой потише, – сказал я. – А мы будем поближе к тебе садиться.

– Нет, – сказал он. – Это я не могу. Песня есть песня. Кое-где её надо петь тихо, а в основном – громко.

– Ну, хорошо, ладно, – сказал я, – пой громко, но объявляй ты, ради бога, остановки.

– Сам бы рад, сам бы рад, – сказал он. – Но вы ведь заметили – не всегда выходит. Трудно оторваться от песни.

Я сказал:

– Беда.

И Федька сказал:

– Вариантов нет.

– Ну, пора, – сказал водитель. – Пошли в машину. Вам куда?

– Нам до школы, – сказали мы.

И пока мы ехали, он всё пел грустную песню про какого-то водителя, про то, что дождь идёт, а ехать ещё тысячу километров и кругом ночь.

А потом наш водитель пропал. Я его месяца два не видел. Я по-всякому его искал, я даже одно целое воскресенье на остановке стоял и ждал его машину. Она долго не шла, потом пришла, и там сидел другой водитель и не пел.

А однажды весной мы с Федькой шли с баскетбола, и вдруг Федька как заорёт:

– Смотри кто!

Я смотрю – а это наш водитель, шикарный такой, в красной ковбойке и белых туфлях.

– Здорово! – закричал я и стал трясти ему руку. – Узнаёшь?

Он сначала сделал большие глаза, а потом заулыбался и стал тоже трясти нам руки, мне и Федьке.

– Ну как? – спросил он.

– Когда как, – сказал Федька. – Иногда, знаете, как скучно без вас ехать...

– Куда ты делся? – сказал я.

– Перевели, – говорит. – На междугородные перевозки.

– Не попоёшь теперь, – сказал я.

– Ну нет, ну нет, – говорит. – Я теперь в кружке пою, между прочим.

– Раньше не мог, что ли? – говорю я. – Чтобы в автобусе не петь.

– Я так не могу, – говорит. – Я должен всегда петь. Так устроен. И на работе.

– А сейчас?

– И сейчас, – говорит. – Пою всю дорогу. Там это запросто.

– Не мог, что ли, на другой автобус пойти? – говорю я. – Не на «без кондуктора». Чтобы петь всю дорогу.

– Голова, – говорит он. – Теперь скоро все будут без кондуктора. Так рациональнее.

– Точно, – говорит Федька. – Так рациональнее.

– Уж что рациональнее, то рациональнее, – согласился я.

И мы все замолчали. Стоим и молчим. Что сказать? И...

И вдруг Федька сказал то, что надо, я даже не ожидал от него, даже немного обалдел от такой неожиданности. Он сказал:

– Приходите к нам в школу на сбор. Расскажите про водителей. А потом и споём. По очереди и все вместе. Вот.

– Идёт, – сказал он. – Обязательно.

– Значит, точка! – сказал я. – Придёшь?

– Приду, – сказал он. – Честно.

И потом мы долго трясли все вместе друг другу руки и попрощались с ним за руку изо всей силы.

мы поедем на рыжем коне

Мы должны были провести сбор «Что мы сделаем и подарим родной школе».

И я снова подумал, вот какой наш староста, наш Глебыч, потрясающий человек. Ну просто исключительный необыкновенно!

Он сказал:

– Мы подарим нашей школе лошадь! Вникните – ло-шадь! Что может быть лучше! Ничего, а? Неплохо?!

Мы все сразу закричали и захлопали в ладоши. Ещё бы! Может, мы целый день ломали бы себе головы, а он, умница, сразу придумал.

Глеб радостно сказал:

– Она – эта лошадь – будет всеобщим питомцем и любимцем.

Я что-то вспомнил знакомое и закричал:

– Мы будем его холить! Ура! Холить!

– Да! Да! – закричали все. – Хо-лить!

– Тихо, тихо, – сказал Глеб. – Главное, что хоть она и будет общая, школьная, – все будут знать, что это мы, что это наша идея, наша.

Кто-то спросил:

– А откуда мы возьмём эту лошадь? Разве они есть?

– Чепуха! – сказал Глеб. – Это не затруднение – конечно, есть. Главное, мы достанем его в виде малень-

кого жеребёночка, маленькой лошади и будем его растить.

– И холить, – сказал я.

– Да. И холить, – сказал Глеб. – Разумеется.

Тут вопросы посыпались:

– А где его достать?

– Почём они? Небось, дорогие?!

– Где его хранить, то есть держать, то есть растить?

– Белого или чёрного?

– Он нужен, но для чего?

– А назвать, назвать-то его как? Нашего лошадёнка.

И Глеб легко отвечал на все вопросы:

– Достать его, этого маленького жеребёночка, довольно просто. Где – пока не знаю, не стоит об этом думать. Цена ему пять рублей. Именно. Не больше и не меньше. А если больше, то не намного. Цвет лучше всего – рыжий. Лошадь – она не такая уж большая, будем её держать в спортзале, там, где конь. Для чего она нужна? Глупый вопрос. Во-первых, просто лошадь, не у всех ведь есть. Во-вторых, рыжая, не какая-нибудь; самых маленьких октябрят катать на ней можно, просто ездить, кому надо... Зайдут в школу, допустим, иностранные туристы, смотрят – лошадь. Неоценимо. И другое.

– А ещё она может возить воду к нам на сельхозучасток! – сказала Светка Петренко. – Очень даже может.

– Разумеется, – сказал Глеб.

– А что если вообще сделать водопровод на сельхозучасток? – сказал Фред Блинов.

– Точно!

– А ещё модель яхты! Или суперкрейсера!

– Красота!

– А как мы его всё-таки назовём?
– Кого «его»? Кого «его»-то?!
– Ну, лошадь. Вот кого «его»!
– Лошадь?.. Сивка!
– К-а-а-к?
– Ну Сивка же!
– Ерунда! Лучше Фрегатом. Или Рогдай.
– Не-ет. «Фрегатом» мы назовём яхту, или ещё лучше – «Космос», а лошадь мы назовём Восток или Ласточка.

– Ну, ты скажешь! Коняга – и вдруг Ласточка!

– А что? И Ласточка!

Валера Зуев крикнул:

– А песню хотите?! Про лошадь? Я знаю!

Все заорали, что хотят.

И Зуйчик спел вполне неплохую песенку:

Я сижу, сижу, сижу,
Не дышу и не гляжу,
И не пью я, и не ем,
Совершенно глух и нем,
Не гуляю, не читаю...
Я о лошади мечтаю,
Говорят все обо мне:
«Он мечтает о коне».

День рождения у меня,
Папа дарит мне коня,
Мама дарит мне коня,
Дарит бабушка коня,
И сестра моя, Алёна,
Тоже дарит мне коня.

Пол дрожит, земля трясётся,
По квартире конь несётся,
Сто прекрасных лошадей
Замечательных мастей,
Сто гостей моих верхом
Пролетают с ветерком.
Ну и день рожденья!
Просто наслажденье!

Мы хлопали Зуйчику, пока не устали. И вдруг Сеня Ёлкин очень громко сказал:

– Смотрите! Я починил швабру! Чудесная швабра!

И все замолчали, и я вспомнил, что, пока мы говорили, Сенька всё время что-то такое делал и стучал: стук-стук-стук, стук-стук-стук, а мы слышали, только внимания не обращали.

Глеб сказал:

– Что? Какую швабру? Что ещё за швабра? А?

– Да просто швабра, – сказал Сенька. – Она почти уже сломалась, а я её укрепил, починил, в общем. Теперь есть совершенно целая швабра. Целёхонькая.

– М-да, – сказал Глеб. – Так. Тихо. Давайте помолчим.

Мы все немного помолчали. Потом Глеб сказал:

– Я абсолютно всё понял. Пока мы говорили, человек делал толковое дело. Он, братцы, принёс пользу. А мы слишком много говорили. Я считаю так: раз эти швабры ломаются, нужно их чинить. Кому нужны ломанные швабры? Да никому ломанные швабры не нужны. Соберём их по всей школе и приведём в порядок, починим, я уверен, нашей школе нужны нормальные швабры, а то будет грязно. А Ёлкина назначим главным. Молодец, Ёлкин. Молодец! Всё, братцы.

Все опять закричали и захлопали, потому что швабра – очень полезная вещь и дело не только в лошадях.

А Глебыч почему-то был какой-то грустный, я заметил, а потом... вдруг улыбнулся и громко крикнул:

– И между прочим, братцы, именно нашими швабрами мы будем подметать зал, где будет расти наша рыжая лошадка!

И все снова закричали и обрадовались ещё больше, потому что дело ведь не только в швабрах. Это уж точно.

Пафнутий

Вчера к нам в окно настоящий живой чиж залетел. Вот чудо! Да откуда же он здесь взялся, в центре города?

– Мама! – заорал я, бросаясь закрывать форточку.
– Мама моя родная! Беги сюда! Смотри – кто! Вот это птица! Ну и симпатяга! Да ты посмотри! Блеск!

Мама примчалась с кухни, вся, как была, красная, со свёклиной в руке, а чиж вовсе не растерялся, не стал биться о стекло или хохлиться где-нибудь в углу, а, наоборот, гордо уселся на наши часы-ходики с кукушкой и глядел на нас с мамой, склонив головку набок, задиристо и вполне весело своими любопытными глазками.

– И правда – птица, – вздохнув, сказала мама. – Да ну тебя! Сам, наверное, уже давно притащил его домой, а сейчас делаешь вид...

Я удивился.

– Как? – говорю. – Да в чём же я его принёс? В руке?

– Зачем в руке? В клетке, – сказала мама.

– А клетка, клетка-то где?!

– Спрятал, – сказала мама.

– И зачем её прятать?

– Ну... чтобы, будто он сам залетел.

– А это-то зачем?!

– Ну... так веселее. Затем.

– Тогда веселись, – говорю. – Он, правда, сам залетел, убей меня гром!

– Не верю, – сказала мама. – Чтобы дикая птица, дикий чиж и...

– Да какой же он дикий?! Он – просто чиж. Скажешь тоже... Чиж – и дикий.

– Но ведь не ручной же? – сказала мама.

– Смотри-смотри! – закричал я. – Он нам рожицы корчит! Вот симпатяга, верно, мам?

– Верно, – сказала мама. – Скоро шесть – папа придёт.

– Он уже пришёл, ваш папа, – сказал папа, входя.

– Эх и погодка. Холодина.

– Тсс-с, – зашептал я. – Пап, смотри, кто. Чиж. Живой. Сам к нам в форточку залетел – фырть!

– Ручной, что ли? – спросил папа.

– Почему ручной? Дикий. Из леса.

– Внимание! – сказал папа. – Шесть часов. Сейчас кукушка из ходиков будет выпрыгивать. Он ей задаст дрозда, наш чиж.

– Ни за что он её не тронет, – сказала мама. – Такую крохотулю.

– Тихо, ребята, – сказал я. – Не спорьте.

А чиж так и сидел на ходиках.

– Вот сейчас... – сказал папа, и тут же кукушка стала выпрыгивать из часов и куковать.

Чиж с любопытством свесил голову вниз, но потом недовольно пискнул и отвернулся.

– Соображает, что всё это сплошная липа, – сказал папа. – Похоже, что ручной.

– Да дикий же! – сказал я. – Они не бывают ручные.

– Да? – сказал папа. – Уверен?.. Пафнутий, – позвал он и сделал руку полочкой. – Кушать, бандит!

Мы с мамой – обомлели: чижик крутанул головкой, пискнул и спорхнул папе на ладонь. Из кармана папа достал несколько семечек и дал чижу, а тот стал их есть, сидя на папином мизинце.

– Ну дела! – сказал я. – Пап, ты его... знаешь, да?

– Не-а, – папа засмеялся. – Ешь, Пафнутий!

– Пап, серьёзно! – сказал я. – Мам, пусть он скажет.

– Он же в форточку влетел, – сказала мама.

– Ладно, – сказал папа. – Ремонт у нас в лаборатории, вот я и забрал его домой.

– Ерунда, – сказал я. – Он влетел – я сам видел.

– Правильно, – сказал папа. – Это я его забросил в форточку.

– Боже мой, – сказала мама. – Зачем?

– Ну... так веселее, – сказал папа. – Что мы тут видим, с нашего первого этажа? Кошек, людей, собак?

– А ты не боялся, что наш Пафнутий обратно удерёт? – спросил я.

– Не-а, – сказал папа. – Здесь тонкий научный расчёт. Обои у нас дома голубые? Голубые. Вот он и не боится, думает, что это его лаборатория. Там у нас всё небесно-голубое.

– Что же ты никогда мне про Пафнутия не рассказывал? Эх, папа! – сказал я.

– Разве? – удивился он. – Я думал, рассказывал. Работа, то да сё. Замотался – позабыл.

– Эх ты, папа, – сказал я.

– Постой-постой, – сказала мама. – А в чём ты его донёс до дому? В клетке? Где клетка?

– Не в клетке, – сказал папа. – Я его в руке нёс. Так ему было теплее.

на самокате

вдоль нашего дома

Я поеду после уроков на самокате вдоль нашего дома от угла и до угла.

Я повидаю разных людей и поговорю с ними обо всём на свете.

– Здравствуйте, тётя Ньюша, дворник, – скажу я. – Как поживаете? Не надо ли чего сделать?

– Поживаем неплохо, – скажет тётя Ньюша. – Сделать кое-чего надо. Рано утром поэт с шестого этажа выкинул из окна много листочков со стихами, и мне до сих пор никак не убрать.

И мы вместе уберём эти листочки.

– Здравствуй, Леночка, – скажу я двухлетней Леночке из тридцатой квартиры. – Как поживаешь?

– Хорошо, – скажет Леночка.

– А как тебя зовут? – спрошу я.

– Неня, – скажет она.

– Молодец, – скажу я. – Живи на здоровье, – и добавлю её бабушке: – Отлично растёт ребёнок.

Я поеду дальше и встречу милиционера.

– Эй, милиционер! – скажу я. – Я не нарушаю правил, ступай себе мимо. Желаю тебе всего хорошего.

И поеду дальше.

– Привет, Коля, – скажу я Коле-строителю. – Как дела? Как идёт строительство?

– Забежал перекусить в перерыв, – скажет Коля.
– А строительство идёт как надо. Завтра кончаем.

И я поеду дальше.

– Здорово, ребята! – скажу я. – Когда футболисты из двадцатого дома будут плакать, поражённые нами?

– В понедельник! – скажут ребята.

– Здорово, девочки! – скажу я.

– Здравствуй, – скажут девочки и пригласят меня поиграть в «классы».

Но я поеду дальше.

Я побеседую с управхозом и со штангистом Васей.

Я переброшусь словом с профессором из четвёртой квартиры и узнаю, как дела у девушки Нины, бухгалтера.

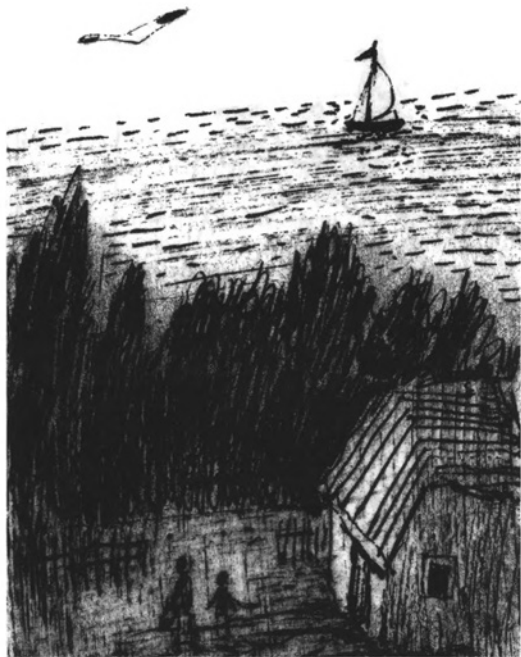
Я потолкую ещё с разными людьми и, когда доеду до второго угла, встречу маму.

Солнце уже будет низко, мама будет идти с работы, и будет уже полседьмого вечера.

Наш новый дом такой большой, что от угла до угла раньше и не доедешь.

рыба, большая,
как лошадь

век его не забуду

Я ждал приезда клоуна с нетерпением.

Нервы у меня были напряжены до предела, и я постоянно думал, что я скажу ему, когда он сойдёт с электрички, а я пойду ему навстречу и поздороваюсь за руку.

Он приехал во вторник рано утром.

Я пошёл ему навстречу, поздоровался за руку и так ничего и не сказал. Мне хотелось сказать ему что-нибудь доброе или что-нибудь очень смешное, но я ничего не придумал, хотя что-то и просилось во мне. Я просто поздоровался с ним за руку и отвёл его к автобусу.

Мы сели в автобус и поехали вдоль моря.

– А долго нам ехать? – спросил он.

– Нет, – сказал я, – что вы. Минут десять, никуда не сворачивая с шоссе. Слезем, а там и дача наша недалеко.

Больше мы не сумели поговорить. Он всё время смотрел на море, а я на саквояж у него на коленях. Я не знаю, что там было, а на нём самом ничего странного не было; серые брюки и рубашка в полосочку. Нос у него был красный сам по себе и чёрные волосы. И было ему лет сорок, как папе.

Неделю назад заболела моя бабушка. Она не то что-бы заболела и лежала, нет – она по-прежнему ходила по даче и так же, как и раньше, готовила нам поесть.

Но по ночам она бредила часто, и у неё был жар. А утром долгое время она не замечала меня, и лицо у неё было очень грустное.

Она бредила по ночам о клоуне, а утром всё время что-то говорила и хвалила их, клоунов, за весёлый нрав, за шутки и всё жаловалась, что уж очень давно она не смеётся, а всё скучает.

Отпуск у папы с мамой ещё не начался, они приезжали к нам на дачу только с субботы на воскресенье, и я им ничего не сказал.

Я скрыл от них всё о бабушке и как-то раз рано утром сказал бабушке, что до обеда уезжаю на рыбалку, а сам сел в электричку и поехал в город, в цирк.

Народу перед цирком было полно, и я всё боялся, что билетёрша, когда я с ней заговорю, будет гнать меня, будто я собираюсь прорваться.

– Пожалуйста, – сказал я, – могу я повидать клоуна?

Она засмеялась, позвала кого-то и сказала:

– Вот он идёт.

Ко мне вышел человек и поздоровался со мной за руку.

Зачем бы я стал не верить билетёрше или переспрашивать его самого, клоун ли он? Я просто всё ему рассказал о бабушке, и он обещал приехать.

– Нам выходить, – сказал я ему.

Мы вышли и направились к нашей даче. Я хотел помочь ему нести саквояж, но он поблагодарил меня и сказал, что лёгкий, легче не бывает.

Вскоре мы пришли.

– Бабушка, – сказал я, волнуясь, – к нам приехал... клоун!

– О, как хорошо, – сказала бабушка, вдруг улыбнувшись. – Вы правда клоун?

– Да, – сказал клоун, – я клоун.

– Ну конечно, – сказала бабушка, – красный нос... Клоун смутился.

– Ничего, – сказала бабушка, – сейчас будем завтракать.

Клоун поклонился ей, сказал, что он сыт совершенно и что лучше он пойдёт пока на кухню и переоденется и даст нам представление.

– Ну и чудесно, – сказала бабушка, – а пока скушайте вот этот пирожок.

Клоун взял пирожок и ушёл на кухню.

Мы завтракали с бабушкой на скорую руку, мы нервничали, смеялись и всё путали на столе.

– Можно войти? – сказал вдруг за дверью незнакомый тоненький голос.

– Да-да! – сказала бабушка.

И вошёл клоун.

Мы захохотали.

Ну и костюм, ну и рожа!

– Уважаемая публика! – сказал он басом. – Бабушка и внучек!!

И началось!.. Никогда в жизни ни я, ни бабушка не видели ничего подобного так близко.

Клоун кувыркался, падал, говорил смешные вещи, изображал лошадь, ходил на руках, глотал тарелки...

Мы хохотали до слёз.

Потом мы устали, и клоун устал, и тогда он вышел на кухню, вернулся с дудочкой, сел на табуретку и сказал:

– А сейчас я вам сыграю болеро Делиба.

Он сыграл нам замечательную вещь, какую я никогда не слышал и название которой меня смутило.

Бабушка слушала, закрыв глаза.

– Это музыка моей молодости, – сказала она.

Вечером клоун уехал. Я пошёл проводить его до автобуса, я сжимал в одной руке его саквояж, а в другой два рубля, взятые мною из бабушкиной сумки, чтобы отдать их ему, когда подойдёт автобус.

Подожёл автобус, но мне вдруг стало так стыдно этих денег, так стыдно, что я их не отдал, а просто попрощался с ним за руку, сказал «большое спасибо», и «до свидания», и как его фамилия.

– Иванов, – сказал он, уже стоя на подножке. – Прощай, малыш.

Автобус уехал.

Моей бабушке стало лучше, она не грустила больше и улыбалась.

Когда лето кончилось и мы вернулись в город, я забежал однажды после школы в цирк. Я сказал, что мне нужен клоун Иванов, и меня отвели к директору.

– Пожалуйста, – сказал я, – мог бы я повидать клоуна Иванова?

– С удовольствием, – сказал директор, – но у нас нет такого клоуна.

– Иванов, – сказал я. – Подумайте хорошенько.

– Нет-нет, – сказал он, – я очень давно работаю в этом деле. Такого клоуна нет ни у нас, в Ленинграде, ни в других городах.

– Как же так! – сказал я. – В жизни у него красный нос и чёрные волосы, Иванов.

– Не знаю, – сказал директор. – У нас был сторож при животных Иванов, с красным носом. Но он неделю назад взял расчёт и уехал в Сибирь строить новую железную дорогу.

Я поблагодарил директора и пошёл домой.

– Замечательный был клоун, – вспомнила как-то раз бабушка. – Век его не забуду. Вот станет поменьше дел по хозяйству – обязательно зайдём к нему в гости.

– Его нет, – сказал я, – он уехал в другой город.

– Очень жалко, – грустно улыбаясь, сказала бабушка, – очень жалко. Как вспомню его красный нос...

оттуда, издалека

Я тихо открыл дверь в класс и пошёл по тёмному классу к своей парте. Потом я попробовал в темноте крышку у парты – как она, не скрипит? – и это была совсем не моя парта, я свою знаю. Я быстро нашёл свою, поставил вместо чужой, скрипучей, сел один, а свет не зажёл, и стал смотреть в окно, на фонари в темноте, и думать про то место, откуда я приехал к тётке.

Я люблю приходить первым в школу, самым первым, и сидеть в темноте и смотреть в окно, на фонари, а потом вдруг услышать далеко-далеко шаги и голоса и слушать, как они приближаются, а потом в класс вбегают ребята и девчонки... Я всегда так делал, там, где я жил раньше, и теперь так делаю, потому что люблю и ещё потому, что думаю про то место. Только здесь светает раньше, и я прихожу в школу совсем рано, а когда наступит весна, я уж совсем не знаю, как быть.

Меня иногда спрашивают: «Ты откуда приехал?»

А я, может быть, не хочу об этом рассказывать, не хочу – и всё, и я всегда говорю:

– Оттуда, издалека.

А кому этого мало, те говорят:

– Откуда «оттуда»?

А я говорю:

– От верблюда. Всё. Ясно? Понял?

Кому какое дело? Может, им ещё про это расскажи, да про то, да? Никого это не касается.

Я сидел в темноте и смотрел в окно, на фонари, и думал, что там сейчас снег и двор возле школы весь белый.

«Весь белый, – думал я, – весь белый, белый-белый...» – и вдруг услышал, как далеко-далеко, в самом конце коридора, идёт кто-то, и звенит ведро, и ключи брякают.

Он шёл долго, медленно, я совсем извёлся, а он всё-таки отворил дверь в наш класс, и я увидел, что это нянечка. Она громко стукнула ведром об пол, и я вдруг жутко напугался, что она зажжёт свет, и ещё, что я её напугаю, и я громко сказал:

– Не надо свет!

– Ой! – сказала она. – Ой, здесь кто?!

– Я, – сказал я.

– Кто ты?

– Я. Ну... мальчик, ученик...

– Ох, – сказала она и села на парту вдалеке от меня, а свет не зажгла. – Я напугалась. Так нельзя.

– Что нельзя? – спросил я.

– Пугать так нельзя. Я вся обомлела.

– Извиняюсь, – сказал я. – Трусиха.

– Трусиха, – согласилась она. – Я трусиха. В два раза тебя старше, а такая трусиха.

– Тебе скоро двадцать четыре? – спросил я.

– Уже двадцать семь.

– Стыдно, – сказал я.

– И нисколечки, – сказала она и добавила: – Так и будем сидеть без света.

– Тебе же нужно? – сказал я.

– Не нужно. Я ещё вчера всё убрала и чернила налила. А потом я написала на доске «Митя» и не стёрла, забыла. Пришла стереть.

- Ну зажги, – сказал я.
- Я могу и так, – сказала она. – В темноте.
- Ты всё видишь? – спросил я.
- Всё. Я привыкла.

Из окна в тёмный класс падал свет фонарей, и я видел, как она сидит на парте, маленько согнувшись, и смотрит на тёмную доску и не спрашивает, почему я здесь сижу в темноте, и я сказал:

- Смотри, как здорово, в окне.

Она повернула голову и сказала:

- Ага.

– А ещё лучше, когда снег, – сказал я. – У нас на Севере сейчас снег.

- И ты там был? – спросила она.

- Был.

- Долго?

- Всю жизнь, – сказал я.

- Всю жизнь, – повторила она. – Ну... ещё.

- Что «ещё»?

- Как там. Расскажи. Если хочешь...

Она так и сказала: «Если хочешь».

- Я не люблю, – сказал я, – об этом.

- Почему? Или тогда не надо...

Но я уже говорил.

Я говорил:

– Видишь ли... Там... там у меня папы не стало. Он погиб. Он геолог был. Я у тётки здесь живу. Я не люблю рассказывать. Я много про те места знаю. Про собак, про охоту, про самолёты, про снег, про всё. Я не хочу никому про это рассказывать. Кому какое дело. Это никого не касается.

Она встала с парты, подошла к доске и вытерла её тряпкой. Потом она подошла ко мне, села рядом, и мы долго молчали.

– Я не люблю ни с кем про это говорить, – сказал я.

– Не надо так, слышишь? – сказала она. – Расскажи ребятам про собак, про охоту, про самолёты, про всё, и про снег, слышишь?

– Нет, – сказал я. – Я могу только тебе. Приходи завтра утром и потом ещё, пока не надоест, – я долго могу рассказывать.

– У меня есть жених, – сказала она. – Митя. Лётчик. Он работает на Севере, далеко, и я скоро к нему еду. Послезавтра.

– Это хорошо, – сказал я, – значит, я к тебе не успею привыкнуть. А ты зачем нянечкой работаешь?

– Я не люблю без дела сидеть, целый месяц надо было ждать, пока он мне письмо пришлёт, чтобы яехала.

– Он не разобьётся, ты не бойся, – сказал я. – Он где?

– Он в Якутии.

– Они там не бьются, – сказал я. – Что верно, то верно. Уж там-то они точно не бьются.

– Они бьются везде, – сказала она. – Может, и не часто, но везде. Такая работа. Её нужно делать.

– Но уж он-то будет летать, не завалится, – сказал я. – Я знаю. Это точно. Ты только не бойся, – сказал я.

– Спасибо, – сказала она. – Слышишь, ребята идут...

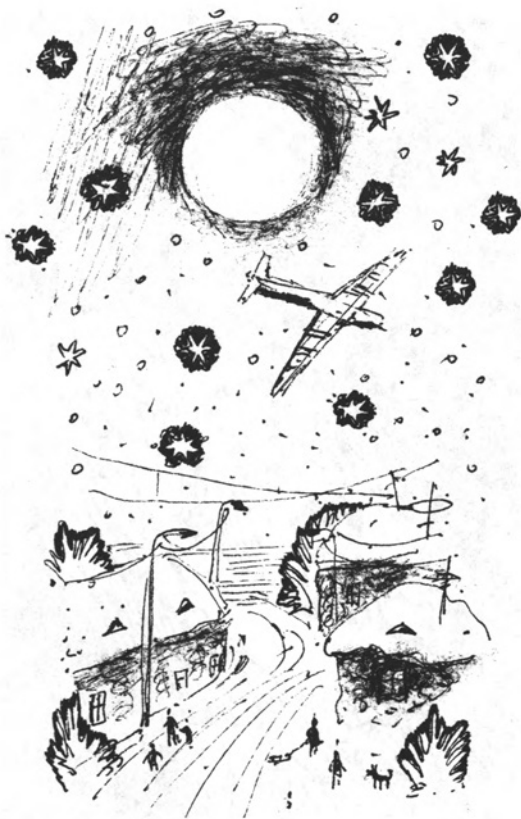
– Да, – сказал я. – Уже светает.

– Я пойду, – сказала она.

– Да-да, – сказал я. – Тебе ведь ещё собираться надо.

– Да. А ты не прячься от них, – сказала она.

– От кого? – спросил я.

Но она уже уходила, а в класс вбегали ребята и девчонки, все орали и пели, а потом зазвенел звонок и пришла наша Евгения Марковна. Она улыбнулась, и стало тихо. Было тихо-тихо в классе и светло, и я вдруг почувствовал, что нос у меня задёргался, а внутри, в горле и в груди, что-то защемило, заныло, что ли, и сейчас, вот сейчас я засмеюсь и заплачу...

– Дома вы сами должны были прочесть про Северный Ледовитый океан, – сказала Евгения Марковна.
– Кто хочет отвечать?

– Я, – сказал я. – Я расскажу.

рыба, большая, как лошадь

Папа очень рано разбудил меня.

– Что?! – закричал я. – Что-о?! Проспали всё на свете?! Эх!

– И не проспали, – шёпотом сказал папа. – Не вопи ты, всех разбудишь. Ешь быстро котлету и пошли.

Да мог ли я не спешить съесть котлетку, если я полгода мечтал об этом дне, об этом самом утре, о первой рыбалке в моей жизни?

– Ты только не торопись, когда она окажется на крючке, – говорил мне папа ещё зимой. – Тяни осторожно-осторожно.

– Само собой, – говорил я. – Уж я, брат, постараюсь. Ждать только долго – целых пять месяцев.

– Кошмар, – говорил он и вздыхал. – Трудно ждать, трудно. То одно, то другое, сколько лет прошло... Ничего, теперь выберемся на дачу и половим как следует. Там, куда мы поедem, знаешь, какие рыбины в речке есть? Я ловил, я знаю, там ого какие лошади на крючок попадают, поверь мне.

...Мы шли по узенькой тропинке в лесу, было совсем ещё рано, и всё вокруг поэтому было серое и тёмное, и ёлки всё время кусали меня за голые ноги. Крутом стояли сосны, могучие, как дубы, и маленькие ёлочки, совсем ещё не кусачие. Птицы спали, и только всего

две птички разговаривали между собой. Одна говорила другой приблизительно так: ффру-тиф-тиф-та-та, а другая ей отвечала: тиф-тиф-та-та-торр. Они тихо разговаривали, чтобы никого не разбудить, лично я себе это так объясняю. И колокольчики по обеим сторонам тропинки совсем не звенели, видно, тоже спали, или я просто не слышал, потому что сердце у меня колотилось ужасно. Я нёс удочку как надо, толстым концом вперёд, чтобы тоненький, не дай бог, не сломался, если я случайно им во что-нибудь ткну, и я спросил у папы:

– Скажи, а рыбы сейчас спят? У них ночь?

– Большинство, – сказал он. – Но крупные уже проснулись и шастают в поисках добычи.

Я прямо задохнулся от волнения, когда он так сказал. И тут же я услышал его шёпот.

– Речка, – прошептал он. – Видишь?

– Не вижу, – шепнул я.

– Вон там, впереди, где туман. Маленько блестит, видишь? Только тихо иди, не пугай крупную рыбу.

– Вижу, – тоже шёпотом сказал я. – Вижу речку. Ну и речка! Красотища!

И дальше мы уже шли совсем тихо и молча.

Те две птички замолчали, то ли поссорились, то ли просто улетели, но зато впереди меня вдруг оказалась большая, совсем рыжая лягушка, она прыгнула с тропинки и квакнула, и тут же ей в ответ каркнула ворона, а папа тихо сказал у меня за спиной:

– Ты не забыл, чему я тебя зимой учил? Всё помнишь?

– Тсс, – зашептал я. – Тихо. Не распугивай ты крупную рыбу, всё я прекрасно помню. Вымеряешь глубину, надеваешь червя, плюёшь на него...

– Вот именно, – сказал папа. – Плюнуть не забудь.

Мы были уже у речки. С маленького обрывчика мы спрыгнули слезли на песок у самой воды, и позади нас остался лес, а впереди, за речкой, были луга и кусты, похожие на барашков. Папа достал из куртки металлическую коробку из-под зубного порошка, с червями, и не успел я найти на моей удочке крючок и размотать леску, как он поплевал как следует на своего червя и забросил его в воду. Я заторопился разматывать свою леску побыстрее, запутался, после распутался, достал из коробки червя, толстенького такого, аппетитного червячка, и вдруг засомневался, что раньше делать – плевать на него и только потом уже насаживать на крючок или наоборот. Как делал папа, я и думать забыл – так я волновался. Конечно, надо было сначала насаживать, а потом уже плевать, это и дураку ясно, но я, видно, и был дураком, от этого самого волнения. Кое-как я насадил червя на крючок, потом закрыл глаза и поплевал на него. Зимой я плохо умел плевать на червя, когда ещё просто так, без червя учился, а после, ближе к лету, я стал это делать с блеском. И вот теперь я плюнул как следует и закинул удочку.

...Мой беленький поплавочек из пенопласта медленно плыл по течению слева направо, но ни разу не шелохнулся и не ушёл под воду. У папы тоже не клевало. Очень быстро мне надоело просто так перезакидывать удочку, и я посмотрел на папу. Вид у него был очень серьёзный. Последние дни он много говорил о том, что уж очень давно он не ловил крупной рыбы, а теперь поймает, будьте уверены, потому что речка – не речка, а фантазия. Он очень легко и красиво забрасывал червяка в воду, не хлопал по воде кончиком удилица и

поплавком, не то что я. Я так всё время хлопал, будто он ничего и не объяснял мне зимой, и папа сердито иногда на меня поглядывал.

Вдруг он взмахнул удилищем, оно согнулось, и тут же из воды вылетела небольшая серебряная рыбка и упала на песок у самых его ног.

– Плотва, – сказал он, наклонился, снял её с крючка и бросил в ведёрко с водой. – Мелочь пузатая. Смотри! У тебя клюёт!

Я посмотрел на воду и ничего не увидел и тут же сообразил, что так ведь и должно быть, чтобы ничего не было видно, разве ж видно поплавок, если он под водой, сообразил и ка-ак махну удочкой, и тут же из воды, как и у папы, вылетела какая-то маленькая рыбка и улетела куда-то за меня, через меня, в кусты.

– Рыба! – заорал я. – Вот это рыбина! – И бросился искать её в кусты. И всё орал: – Рыба! Рыба! Ай да рыба! Ну и рыбища! Рыбуля моя!

Но я никак не мог её найти и полез в куст. Вниз головой залез. И тут же кто-то шлепнул меня, и голос папы громко сказал:

– Дмитрий! Сын мой! Чему я тебя учил в холодные январские вечера?! Ты что, забыл, что тишина – залог успеха? Сколько шуму из-за плюгавого пескаря!.. Впрочем, пескарь неплох.

Папа был абсолютно прав, я тихонечко вылез из куста и увидел, что папа быстрыми шагами с удочкой и ведёрком уходит от меня вдоль берега, а возле меня лежит мой пескарь и спичечная коробка с червями. Пескарь, по-моему, был вполне приличный, симпатяга, толстый такой, с усами, но вот леска запуталась в кустах ужасно, и я провозился с ней минут десять и еле

распутал и только тогда обрадовался, потому что снова можно было ловить.

Снова я надел червяка, снова поплевал на него и только собрался опять забросить удочку, как вдруг увидел на другом берегу, за кустами, похожими на барашков, за высокой травой, вдалеке, в самом конце луга что-то красное и блестящее, и это блестящее стало быстро расти, расти, и я сразу же догадался, что это ведь солнце встаёт.

Зелёные кусты – я смотрел на них против солнца – стали чёрными и прозрачными, со множеством маленьких дырочек, через которые потянулись на мой берег длинные белые и блестящие лучи солнца. И капли росы блестели на кустах, и я даже обомлел от такой красоты. После я почему-то вздохнул и снова забросил удочку, и вдруг мой поплавок сразу же затрясся, нырнул, вынырнул, снова нырнул и исчез под водой. Я подсёк, и опять через мою голову полетела рыбка, но на этот раз, как и у папы – плотва. Вся моя леска опять чуть не запуталась в кустах, и я, когда снял с крючка плотву и вырыл ямку в песке до самой воды и пустил туда пескаря и плотву, тут же прошёл немного по берегу в сторону, где сзади меня кустов не было, и стал махать удочкой вовсю: рра-аз! – плотва, рраз! – окунь, потом – пескарь, после – опять окунь! Вот клёв был! Вскоре я так наловчился, что рыбы не летали уже через меня, а падали прямо к моим ногам, на песок – и всех их я бросал в ямку с водой. Потом смотрю – папа рядом.

– Таскаешь? – говорит. – Ну-ну, валяй. Мелочь пузатая. Скука, друг мой. Солнце взошло, теперь крупной рыбы не жди. Во всяком случае, в этих местах, в это

время года. Зря ты орал до восхода солнца. Ладно, я домой пошёл. Вот тебе ведёрко, вот черви. Остаёшься?

– Не шуми ты, – сказал я. – Конечно, остаюсь.

И он ушёл, а я остался, и прямо чудо что за клёв был, сумасшедший, я такого никогда в жизни и не видел, не приходилось, и из лесу так пахло земляникой, и солнце было такое тёплое, и птицы так разошлись в лесу и так распелись на разные голоса, что я прямо весь зашёлся от радости и стал чирикать по-птичьи и хохотать и не заметил, как ко мне подошёл какой-то человек и спросил:

– Ты чего так хохочешь? А? Хохотун какой.

– Да клюёт всё время, – сказал я. – Батюшки, опять.

– Ты на дачу приехал? Дачник?

– Дачник я!

– Таскаешь помаленьку?

– Таскаю. Я на это дело – мастер!.. Рраз – окунь!

– Таскай-таскай. Только смотри, всех не перетаскай, а то ты на дачу, а нам здесь ещё жить и жить.

– Ну что вы, – говорю. – Я всего ведёрко натаскаю, чтобы на уху было, и всё. Папа меня зимой научил.

– Вы с ним молодцы, – говорит он. – Валяй. Корми семью.

– Ого, ещё одна. Плотва, – говорю.

– Это елец, – сказал он. – Тоже вкусный. А ты мёд любишь?

– Люблю, – говорю. – А кто ж не любит?

– Ясное дело – все, и я люблю. Приходи в гости – мёду поедим.

– А куда приходиться?

– А к леснику. К пасечнику.

– А кто лесник?

- А я и есть лесник.
- Значит, я в точку попал? – говорю. – Хорошо, спасибо. Заскочу. А пасечник – это кто?
- А пасечник – это опять же я.
- Это я сообразил, – говорю. – Кто пасечник, в смысле – что он делает?
- Пасечник на пасеке работает.
- Ясно. А кто пасека?
- А пасека – это пчелиные дома в лесу. На поляне. Город такой пчелиный, деревянный. Ты папу води и маму води, – говорит. – Всю семью води. И будет у нас – дружба.
- Если дружба, – говорю, – то и вы к нам давайте в гости! Дом с красной крышей на горке. Самый большой в деревне.
- Если вам у меня понравится, то и я забегу.
- И тут вдруг, когда я подсёк, мою удочку так согнуло, что я подумал сначала, не бревно ли прицепилось на конце лески или ведро с песком?! Но тут же почувствовал, что никакого там не ведра, а что-то живое – рыба, и не рыба вовсе, а *рыбина*.
- Ого, – сказал этот лесник. – Приличную зацепил. Берегись.
- А я стоял в тапочках в воде, держал удочку, как палку, ноги растопырил, лоб у меня вдруг стал мокрый, колени застукали одно об другое, сердце запрыгало – и я просто не знал, что же мне делать дальше.
- Рыба носилась под водой кругами, леска со свистом рассекала воду, а я стоял как вкопанный и трясся.
- Ну вот, умная голова, – сказал лесник. – Поводил её маленько, теперь подымай наверх, дай ей глотнуть воздуху и волоки на берег.

– Да я не могу, – говорю. – Не могу я...
– А надо мочь, – сказал он. – А то, если не ты её, то
– она тебя. Стянет в воду – и поминай как звали.
– Н-не стянет, – говорю. – Вы ещё меня не знаете.
– Откуда мне знать? – говорит. – И не знаю. Тогда
тяни её к берегу, только тихо, не дергай удочкой-то.

Я потянул разок, другой – никакого эффекта, пустой номер.

– Помочь тебе? – спросил лесник.
– Ни в коем случае! – заорал я. – Я сам! Сам!
– Уважаю, – сказал он. – Рыболов высшей марки!

Потом мы ещё постояли так немного: я ни с места, и рыба – ни с места... Наверное, немного, а мне показалось – вечность.

– Да-а, ты не можешь, – сказал лесник. – Не с руки.
– Не могу, – говорю. – Ничего не поделаешь. Не с
руки мне.

– И она не может.
– И она, – говорю, – не может.
– Уж давай помогу, а?
– Ни в коем случае! Не такой уж я хилый, как кажусь на первый взгляд.

– Так и будете стоять здесь, аж до зимы?
– Аж до зимы, – говорю.
– А я считаю так, – говорит он. – Раз вы оба такие одинаково сильные – лучше вам разойтись. Ты оставайся на берегу, а она пусть в воде живёт. Есть резон?
– Есть, есть, – говорю. – Пора нам разойтись. А то

– ни туда, ни сюда.
– Вот и отпусти её.
– Вместе с удочкой, что ли?
– Ни в коем разе! Она что – с удочкой жила до тебя?

– Что же – леску оборвать? Дёрнуть? Я дёрну.

– Упаси тебя господь! Как она с крючком во рту будет жить? Подохнет.

– Как же из неё крючок вынуть?! – кричу я.

– А вот как, – говорит. – Раз вы с ней по силам равные и тебе её не вытащить, давай я её вытащу. После мы снимем её с крючка и отпустим в воду – так будет справедливо.

– Да-да, – сказал я, а ноги у меня всё дрожали. – Давайте скорее. Так будет справедливо.

Он осторожно взял у меня удочку, ловко поднял ее конец вверх, рыба всплыла – огромная! – завертелась, забила хвостом по воде, раскрыла рот, глотнула воздуха, вдруг успокоилась, легла белым блестящим боком кверху, и он медленно повёл ее по воде и выволок на песок. Тут же она забилась на песке, но он быстро схватил ее обеими руками, велел мне осторожно вынуть крючок у неё из губы. Я вынул остороженько, он тогда передал мне рыбину в руки и сказал:

– Ну, иди, выпускай её, раз никто из вас не смог победить другого. Хорош язь.

Я подошёл к воде и положил язя на воду. Он полежал на боку, после встал прямо, шевельнул хвостом и медленно ушёл в глубину. Я постоял немного, глядя на пустую воду, вздохнул, ноги всё ещё дрожали, потом вдруг снова почувствовал, как пахнет травой и ягодами и птицы орут, и тогда я засмеялся и, обернувшись, увидел, что лесника нет рядом и он идёт вдалеке и машет мне рукой.

– Про мёд помни! – крикнул он. – А на уху тебе и ведёрка хватит. Бывай!

– Спасибо! – крикнул я ему. – А дом наш – с красной крышей!

...Домой я мчался как угорелый и кричал:

– Па-а-па! Па-ап! Я поймал здоровенную рыбину! Язя! Как лошадь. То есть нет, не поймал! Нет, поймал! Да нет же, не поймал!

– Не понимаю! – крикнул он. – Покажи язя! – и побежал мне навстречу.

И когда мы встретились, налетев друг на друга, я всё рассказал ему.

Он долго молчал и легонько мял в пальцах моё ухо.

– Здоровая, как лошадь, – после сказал он тихо. – Взяла после восхода солнца. Так. Учтём. А ты на червя поплевал, на которого язь взял? Плевал или нет? Это важно.

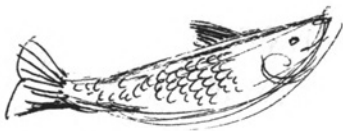
– Не помню, – сказал я честно.

– Надо было плевать. Может, из-за этого ты и не сумел.

– Не знаю, в чём дело, – сказал я.

– А впрочем, не обязательно, – отпуская моё ухо, сказал он. – Можно и не плевать. Не в этом суть. Ну, беги завтракать. Мама ждёт тебя.

И я помчался дальше, к нашей даче, и увидел, как на крыльцо вышла мама.

«Родная речь» – первый (после «Букваря») учебник русской словесности. Во всяком случае, так было раньше, когда учились родители нынешних школьников – двадцать, тридцать, сорок лет назад. В классе на стенах висели портреты классиков: длиннобородый Толстой, Тургенев с бородой покороче, Пушкин – вовсе без бороды, зато с бакенбардами...

Чтобы стать классиком, одного таланта и трудолюбия мало. Должно ещё пройти время. Как сказал (хотя и по другому поводу) один классик: «Большое видится на расстоянии». ↓

Наша, самокатовская **«родная речь»** публикует самые лучшие книги самых талантливых авторов, написанные как раз двадцать, тридцать, сорок лет назад. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы понять: эти рассказы и повести и есть **новая русская классика**.

Литературно-художественное издание
Серия «Родная речь»
Сергей Евгеньевич Вольф
Глупо как-то получилось

Для младшего и среднего школьного возраста

Иллюстрации Катя Толстая
Макет, вёрстка, редактирование Илья Бернштейн
Рисунки на с. 4 и 135 Анастасия Амирова
Корректор Нина Самбу
Арт-директор издательства Татьяна Кормер
Директор издательства Ирина Балахонова

Подписано в печать 28.10.2011. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Гарнитура PT Serif, PT Sans.
Печ. л. 8,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 2427

Регистрационное свидетельство № 002.72.021 от 21.12.2001
ООО «Издательский дом «Самокат»»
111000, Москва, а/я 487
тел./факс (495) 506 1738
info@samokatbook.ru
www.samokatbook.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»»
105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

